

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

КАФЕДРА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

**Теоретические и практические
аспекты правовой природы
каузальных сделок**

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Брестского государственного технического университета*

Брест 2019

УДК 347.773.3(476)(075.8)
ББК 67.404.3(4Бей)я73
И 76

Рецензенты:

*доцент, кандидат юридических наук Т. А. Горупа
доцент, кандидат юридических наук И. М. Барановская*

Ипатова О. В.

И 76 Теоретические и практические аспекты правовой природы каузальных сделок: пособие / О. В. Ипатова. – Брест: издательство БрГТУ, 2019. – 107 с.

ISBN 978-985-493-449-5

В пособии показаны теоретические и практические аспекты каузальных сделок. Проведена сравнительная характеристика элементов сделки – основания (каузы), цели и мотива сделки; каузы сделки и каузы обязательства; каузальных и абстрактных сделок и обязательств. Выявлены основания недействительности каузальной сделки исходя из ее природы и соотнесены с основаниями недействительности сделок, определенных в законодательстве и цивилистике. На основе сделанных теоретических выводов, анализа действующего законодательства и практики его применения разработана наиболее полная и логически завершенная классификация оснований недействительности сделок, предусмотренных законодательством и правовой доктриной Республики Беларусь.

Пособие может быть использовано при изучении гражданского и хозяйственного права, а также в правоприменительной практике судов, практической деятельности хозяйствующих субъектов и при разработке законопроектов по изменению и дополнению Гражданского кодекса Республики Беларусь и других актов законодательства.

УДК 347.773.3(476)(075.8)
ББК 67.404.3(4Бей)я73

ISBN 978-985-493-449-5

© Ипатова О. В., 2019
© Издательство БрГТУ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. Понятие каузальной сделки	5
1.1. Разграничение каузальных и абстрактных сделок	5
1.2. Кауза сделки и кауза обязательства	18
1.3. Соотношение мотива, цели, каузы сделки	31
Глава 2. Соотношение условий недействительности сделок по Гражданскому кодексу Республики Беларусь и оснований недействительности каузальных сделок	41
2.1. Нормативно-правовое определение условий недействительности сделок	41
2.2. Классификация оснований недействительности каузальных сделок	54
2.3. Соотношение условий недействительности сделок по Гражданскому кодексу Республики Беларусь и оснований недействительности каузальных сделок	63
Глава 3. Практические аспекты правовой природы каузальных сделок	73
3.1. Использование каузальной теории в судебной практике Республики Беларусь	73
3.2. Взаимосвязь практических и теоретических аспектов правовой природы каузальных сделок при заключении сделок с недвижимостью	88
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	97
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	101

ВВЕДЕНИЕ

Проблема современного гражданского оборота Республики Беларусь – в очень широком спектре возможностей для признания сделок недействительными. Но как известно, данные основания поражают, прежде всего, казуальные (обязательственные) сделки, составляющие в гражданском обороте абсолютное большинство – любая сделка считается казуальной, если иное не указано. В настоящее время типичные потребности оборота не позволяют отказаться от защиты с помощью признания казуальной сделки недействительной в силу отсутствия или нереализации каузы сделки, поскольку это привело бы к злоупотреблениям, к увеличению издержек защиты своих интересов, а возможно – к стагнации имущественного оборота.

Другие способы защиты не учитывают непоименованных договоров, а также не защищают нетипичный интерес сторон поименованного договора, например потребность сторон предусмотреть иные последствия недостатков встречного предоставления.

Теоретические разработки о каузе сделки, а также проблема деления сделок на абстрактные и казуальные (обязательственные) представляют не только научный, но в еще большей степени практический интерес. Так, например, один из часто используемых субъектами хозяйствования институт гражданского права – уступка требования является спорным в отношении определения уступки требования как казуальной или абстрактной сделки, или – абстрактной или казуальной в зависимости от содержания договора. Пока отсутствует определенность в теории, такая же неопределенность будет и в судебной практике.

В теории и судебной практике не выработан общий подход в определении значения мотива, цели и основания сделки для ее действительности, имеющих ключевое значение для казуальных сделок. В связи с усложнением гражданского оборота вопросы о правовом значении взаимной обусловленности предоставлений («consideration»), основанием которых является казуальная сделка, значении цели для действительности сделки, определении основных случаев недействительности казуальных сделок, являются актуальными. Так как специальные нормы не разработаны для данных случаев, то эффективное разрешение указанных ситуаций определяется, в том числе и исследованием юридического значения каузы таких сделок.

В теории нет и комплексных разработок классификации оснований недействительности казуальных сделок, а также в части обозначения места оснований недействительности казуальных сделок среди условий недействительности (пороков) сделок в принятой классификации недействительных сделок. То есть на повестке дня стоит вопрос соотношения данных классификаций.

Классическая классификация недействительных сделок по видам порока сделки – субъектного состава, воли, содержания и формы – вызывает сложности в отнесении sporadically перечисленных в Гражданском кодексе Республики Беларусь (параграф 2 главы 9, главе 10) (далее – ГК) [1] сделок к видам недействительных сделок по данной принятой классификации. Нормы Гражданского кодекса о недействительности сделок ставят сложную задачу соотношения общего и частного при построении классификации оснований недействительности сделок. Если вопрос об отнесении недействительных сделок к сделкам с пороком субъектного состава и формы не вызывает сомнений, то остается во-

прос, какие именно сделки относятся к сделкам с пороком содержания? Статья 169 ГК («Недействительность сделки, не соответствующей законодательству») и статья 170 ГК («Недействительность, совершение которой запрещено законодательством») носят общий характер, и к ним можно отнести сделку с любым пороком. Отнесение мнимых и притворных сделок возможно к сделкам с каким пороком – пороком воли (или точнее волеизъявления) или содержания? Или они не вписываются в эту классификацию?

Исходя из того, что преобладающее большинство сделок носит каузальный характер, то имеется вопрос: почему отсутствие или нереализация каузы сделки не указана в Гражданском кодексе? Или эти основания соотносятся с указанными в ГК, например, о притворных (мнимых) сделках, сделках, не соответствующих законодательству/запрещенных законодательством?

Вопрос о каузе сделки уходит корнями в римское право, но по-прежнему остается неразрешенным для многих практиков и теоретиков гражданского права. Так как кауза является «ядром» каузальной сделки, ее предметом и важнейшим элементом, то вопрос о недействительности каузальной сделки напрямую зависит от определения понятия каузы сделки. В настоящее время количество заключаемых сделок растет, и судебная практика экономических судов Республики Беларусь свидетельствует о стабильно возрастающей динамике рассмотренных споров, связанных с недействительностью сделок субъектов хозяйствования, в частности, по делам об экономической несостоятельности (банкротстве), в рамках которых нередко сделки, связанные с сокрытием имущества должника-банкрота, управляющим приходится признавать недействительными в силу их каузальности (ст. 109 Закона Республики Беларусь об экономической несостоятельности (банкротстве)) [2].

Эффективное использование каузальных сделок непоименованных или с нетипичным интересом, а также разрешение споров из таких сделок предполагает необходимость разработки понятия каузальной сделки, а также выявление юридических последствий пороков каузы сделки. Кроме того, разработка понятия каузы сделки способствует более полной защите нетипичного интереса в поименованном каузальном договоре, что также отвечает современным тенденциям в гражданском праве. Наконец, значение понятия каузы сделки для разрешения ряда других актуальных задач (например, для разрешения вопроса о классификации оснований недействительности каузальных договоров, для толкования договора, определения притворности сделки и др.) делает разработку данной проблемы необходимой и отвечающей современным потребностям гражданского оборота и цивилистики.

Автором пособия исследовались сущность правовой категории «кауза», элементы структуры сделки – основание (каузы), цели и мотива сделки. Были выявлены основания недействительности каузальной сделки исходя из ее природы и соотнесены с основаниями недействительности сделок, определенных в законодательстве и теории гражданского права. В результате читатель может ознакомиться с наиболее полной и логически завершенной классификацией оснований недействительности сделок.

Разработка автора основывается на теоретических исследованиях как дореволюционных, советских и современных белорусских и российских авторов, так и ряда зарубежных цивилистов, а также на анализе законодательства и судебной практике.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ КАУЗАЛЬНОЙ СДЕЛКИ

1.1. Разграничение каузальных и абстрактных сделок

подавляющее большинство имущественных отношений являются возмездными: сторона признает себя обязанной (либо непосредственно передает имущество) в ожидании определенного эквивалента со стороны контрагента (т. е. речь идет о каузальных сделках). В настоящее время потребности гражданского оборота не позволяют отказаться от защиты с помощью права взаимной обусловленности предоставлений сторон возмездных отношений.

Защита может предоставляться в разных формах. Во-первых, переданное по договору при отсутствии встречного предоставления может быть взыскано на основании норм о неосновательном обогащении. Во-вторых, должнику может быть предоставлено право выдвигать против требования кредитора возражения, указывающие на недостатки встречного предоставления. Однако данные способы не защищают в необходимой мере интересы должника, поскольку их использование возможно лишь после того, как нарушение права имело место, либо обусловлено доказыванием наличия встречной обязанности кредитора и ее неисполнения. Кроме того, защита интересов стороны сделки, не получившей встречного предоставления, может осуществляться с помощью норм права, в императивной форме определяющих последствия недостатков встречного предоставления. Но такой способ не учитывает непоименованных договоров, а также не защищает нетипичный интерес сторон поименованного договора, например, потребность сторон предусмотреть иные последствия недостатков встречного предоставления.

Справедливость распределения рисков, а также учет нетипичных интересов сторон сделки достигается при закреплении в праве непосредственной взаимосвязи встречных предоставлений в форме каузальной сделки, так что юридические последствия сделки, ее действительность связываются с наличием (в отношении консенсуальных сделок), а иногда и с фактической реализацией каузы сделки (в отношении реальных сделок). Отсутствие основного предоставления является основанием для отказа во встречном предоставлении.

Принципы автономии воли и свободы договора определяют необходимость признания общей цели, которую преследуют стороны, юридически значимой, т. е. закрепленной соглашением сторон направленности сделки на взаимообусловленные предоставления, опосредуемые данной сделкой в целом или в части, либо направленности сделки на совершение предоставления при отсутствии встречного предоставления.

Доктрина *causa* уходит своими корнями в римское частное право. Так, И. С. Розенталь указывает, что «в обязательственном праве под «кауза» нередко понимали то материальное основание, вследствие которого сторона вступает в обязательство, та цель, которая имеется в виду при вступлении в обязательство» [3, С. 124]. В отсутствие такого основания обязательство не возникало. Ч. Санфилиппо понимает под каузальными сделками те, в которых желаемая цель с очевидностью просматривается в самом действии, поскольку внутренне присуща самой его структуре; абстрактные сделки, по его мнению, – те, в которых не обнаруживается цель, ради которой совершается акт [4, С. 25]. Это не

означало, пишет Ч. Санфилиппо, что сделка могла быть совершена вовсе без основания. Интересно то, что Ч. Санфилиппо предлагает исходить из **двойного понимания основания**, включая в него не только цель, преследуемую волей контрагента, но и **окончательный результат**, в котором *мотивы обретают реализацию. Значение абстрактных сделок заключается в особом распределении бремени доказывания между сторонами.*

Итак, понятие каузы имеет несколько значений. Понятие (термин) «кауза» используют в зависимости от рассматриваемой ситуации применительно к сделкам (договорам) и обязательствам. Не исключается применение в правовом обороте каузы в качестве обозначения основания иных правовых явлений, нежели сделки (договоры) и обязательства.

Например, ВАС РФ в Определении от 3 августа 2011 года № ВАС-4408/11 по Делу № А68-6859/10 указывает, что «С момента заключения договора купли-продажи арендованного имущества изменяется кауза владения этим имуществом. Основанием владения становится не прежний договор аренды, а договор купли-продажи» [5, С.124]. В указанном примере кауза применена с целью обозначения основания владения, а, как известно, владение – это право, то есть самостоятельная наряду со сделкой (договором) и обязательством категория.

Полетаев Н. А. подчеркивал, что «нельзя требовать точного определения понятия *causa*, ибо такое определение может быть дано для конечной вещи; но *causa* вообще не есть конечная вещь, она разнообразится смотря по договору, из которого родится обязательство» [6, С. 34].

Начиная с римского права, понятие «*causa*» находило различный отклик у цивилистов. С этой точки зрения интерес представляет подробное разъяснение понятия «*causa*», данное Ф. М. Дыдынским в Латинско-русском словаре к источникам римского права, который указывает несколько возможных значений понятия «*causa*» [7]. И. А. Неруш использует *causa* договора как критерий деления обязательств в ту или иную классификационную группу [5, С. 122].

Победоносцев К. П. отмечал, что «для того, чтобы вышло обязательное отношение, нужно, чтобы возникла известная обязательная связь между лицами. Ее-то и составляет *causa*, ближайшая побудительная причина, определяемая намерением и волей договаривающихся сторон и законной сущностью договорного отношения, по его роду» [8, С. 56].

Таким образом, исходя из буквального толкования позиции К. П. Победоносцева, обязательная связь между лицами – это кауза (*causa*). С этим нельзя согласиться, поскольку кауза (*causa*) обозначает основание договора, являющегося основанием договорного обязательства, то есть договор возникает в силу наличия такого обстоятельства, как кауза.

Юридическое значение каузы сделки основано, прежде всего, на презумпции каузальности сделок с предоставлением. ***Каузальной сделкой является сделка, направленная на реализацию хозяйственной цели, т. е. опосредующая совершение как основного, так и встречного предоставления.*** Абстрактной сделкой является сделка, направленная на реализацию правовой цели, т. е. опосредующая совершение предоставления одной стороны в пользу другой, и имеющая самостоятельный характер, т. е. являющаяся самостоятельным основанием требования либо перехода права [9, С. 23].

Основное практическое различие абстрактных и каузальных (материальных) сделок состоит, прежде всего, в различном распределении бремени доказывания наличности основания совершения сделки. Кредитор, желающий осуществить права, приобретенные им по каузальной сделке, должен прежде доказать, что должник, принимая на себя корреспондирующие его права обязанности, имел на это соответствующее основание. Например, лицо, требующее возврата кредита, основывающее свое требование к заемщику на нормах кредитного договора, должно не только доказать факт закрепления за ним этого права нормами договора, но и доказать наличность и действительность основания возникновения этого права (выдачу кредита). Если же кредитор требует реализации своих прав, вытекающих из абстрактной сделки (выдачи векселя, гарантии, совершения цессии), то он не обязан доказывать существование и действительность своих прав: они предполагаются существующими и действительными. Наоборот, должник по абстрактной сделке, желающий снять с себя бремя исполнения юридической обязанности, должен сам доказать, что права кредитора безосновательны, а потому не подлежат осуществлению и защите.

В соответствии с презумпцией каузальности сделок, которая пользуется признанием в правовом порядке Республики Беларусь, Российской Федерации и других стран континентальной системы права, любая сделка со встречным предоставлением является каузальной, если только из ее содержания не следует, что она является абстрактной. Соответственно, кредитор, обращающийся за защитой своего права, должен либо доказать абстрактный характер сделки, являющейся основанием его права, либо доказать существование каузальной сделки, для чего ему необходимо доказать наличие каузы сделки, т. е., как отмечается в литературе [10, С. 120], разъяснить вопрос о предоставлении с его стороны. Таким образом, наличие каузы сделки является условием существования каузальной сделки как юридического факта.

Юридическое значение каузы сделки также заключается в том, что: а) кауза договора является *основанием классификации договоров*, что также имеет значение для обоснования родственности договоров и на этом основании признания сделки *недействительной по основанию притворности*; б) на стадии реализации *непоименованных каузальных договоров* недостатки, связанные с фактической реализацией каузы, являются *основанием для прекращения обязательства, расторжения договора либо уменьшения размера встречной обязанности*, так как не обозначено правовое регулирование отношений и нет возможности использовать императивные нормы для разрешения вопроса о встречном предоставлении; в) на стадии реализации *поименованных каузальных договоров* кауза, являясь основанием классификации договоров, *обосновывает применение норм о последствиях недостатков, связанных с реализацией каузы* (предмета договора), а в некоторых случаях является непосредственным основанием таких последствий.

Итак, по критерию юридического значения правовой цели совершения сделки (ее основания) сделки подразделяются на абстрактные и каузальные (материальные). Так, понятие о договоре купли-продажи связывается законодательством только с таким договором, из которого одна сторона приобретает право

требовать передачи ей определенной вещи, а другая – право требовать уплаты определенной денежной суммы. **Ближайшая правовая цель продавца – связать покупателя обязанностью уплатить деньги, покупателя – связать продавца обязанностью передать вещь.** Если будет заключен договор, по которому каждая из сторон связала другую обязанностью передать вещь – это уже не будет договор купли-продажи; это будет договор мены. Договор купли-продажи, таким образом, каузальный договор, ибо самое понятие о договоре данного вида зиждется на характеристике ближайших правовых целей каждой его стороны.

Иначе обстоит дело с договором, допустим, **уступки требования (цессии).** По договору цессии **очевидна ближайшая правовая цель лишь одного из его участников – цессионария.** Эта цель – приобрести определенное требование, принадлежащее cedentу. **Какова же правовая цель последнего – этого законодатель не предпринимает.** Следовательно, это может быть любая, не противная закону цель. Так, cedent может связать цессионария обязанностью уплатить деньги, передать вещь, выполнить работу и т. п. **Во всех случаях юридическая природа договора не изменится: он останется договором цессии.** Договор цессии, таким образом, это **абстрактный договор**, ибо понятие о нем не имеет в числе конститутивных признаков ближайшей правовой цели одной из его сторон.

Указание в Гражданском кодексе Республики Беларусь автономии воли и свободы договора определило для участников гражданского оборота возможность совершать не только абстрактные, но и каузальные сделки, не предусмотренные в законодательстве.

В статье 154 ГК определяется понятие сделки – это действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Таким образом, сделку характеризуют следующие признаки:

- а) сделка – это всегда волевой акт, т. е. действия людей;
- б) это правомерные действия;
- в) сделка специально направлена на возникновение, прекращение или изменение гражданских правоотношений;
- г) сделка порождает гражданские отношения, поскольку именно гражданским законом определяются те правовые последствия, которые наступают в результате совершения сделок.

Именно в сделках гражданское право наиболее ярко выступает в качестве частного права, где регулирование в большей степени носит децентрализованный характер: государство признает юридическую силу за правилами, установленными самими субъектами гражданских отношений – гражданами и юридическими лицами.

Элементами сделки являются [11, С. 345]:

- мотив (то, что движет лицом; например, отблагодарить, удовлетворить потребность);
- цель (последствия, которые на самом деле преследуют лицо; обуславливается мотивом и обуславливает выбор основания – например, иметь автомо-

биль);

- основание (типовой юридический результат, который должен быть достигнут исполнением сделки – юридическая цель, например, приобрести возмездно в собственность автомобиль);

- воля (действительное желание);

- волеизъявление (внешнее выражение воли).

В зависимости от значения основания сделки для ее действительности сделки делятся на каузальные и абстрактные.

Действительность абстрактных сделок не зависит от причины их заключения (её основания). Например, при выдаче векселя векселедатель безусловно обязуется уплатить векселедержателю определенную указанную в векселе сумму. Причина, по которой принята такая обязанность, не имеет значения и остается за рамками вексельного обязательства. *Кредитор не должен доказывать наличие основания выдачи векселя (например, договора займа, в силу которого кредитор имеет право требовать соответствующую сумму от должника).*

Каузальные сделки настолько зависят от основания, что их действительность определяется его (основания) наличием.

Абстрактные и каузальные сделки различаются в зависимости от отношения юридических последствий сделки к ее каузе. Если юридический эффект сделки и внешне, и внутренне зависит от ее каузы таким образом, что кауза является существенным элементом в составе сделки и отражает в ней свои качества, то такая сделка является каузальной. При отсутствии или уничтожении основания такой сделки уничтожается и сама сделка, и все пороки этого основания опороочивают также сделку, содержащую это основание.

Из каузальной сделки видно, какую правовую цель она преследует. Так, из договора купли-продажи всегда видно, какой товар передается продавцом в собственность покупателю. Благодаря этому является очевидным и правовое основание (causa) возникновения права собственности покупателя на товар. Действительность каузальной сделки ставится в зависимость от ее цели.

Если доказано, что в сделке отсутствует основание, то она должна быть признана недействительной. Например, заемщик вправе оспаривать договор займа по его безденежности, доказывая, что деньги или вещи в действительности не получены им от займодавца или получены в меньшем количестве, чем указано в договоре. Доказывая неполучение денег, заемщик оспаривает самое основание сделки, утверждает, что оно изначально отсутствовало полностью или в соответствующей части, поэтому сделка не была совершена вообще или в какой-то её части.

Абстрактная сделка (от лат. abstrahere – отрывать, отделять) – сделка, действительность которой не зависит от её основания. К таковым относятся, например, вексель, банковская гарантия, коносамент, цессия – обязательства, отказ от исполнения которых со ссылкой на отсутствие либо недействительность их основания не допускается. Так, при расчетах векселем нельзя отказаться оплатить товар на основании того, что он не был поставлен. По действующему законодательству все сделки по выдаче и передаче ценных бумаг отнесены к разряду абстрактных сделок. Такие сделки не могут быть оспорены по

основанию. Действительность абстрактных сделок, недопустимость оспаривания их основания возможны лишь при обязательном отражении их абстрактного характера и установлении соответствующего запрета в законе.

Вексель удостоверяет либо *ничем не обусловленное обязательство* векселедателя (простой вексель), либо ничем не обусловленное предложение указанному в векселе плательщику (переводный вексель) оплатить при наступлении предусмотренного векселем срока денежную сумму, оговоренную в нем. Из векселя *не видно, на основании чего возникло право* векселедержателя требовать выплаты денежных сумм. На этом основана его оборотоспособность.

Каузальную сделку называют материальной и обязательственной [12]. В противовес таким сделкам *в российской юридической доктрине и в германском законодательстве* существуют абстрактные (распорядительные), которые реализуются без обязательства (без заключения договора, например, есть альтернатива соглашения о цессии – совершение цессии), в силу распоряжения и необусловленного ничем требования (в случае выдачи векселя или совершение цессии). Есть ошибочное мнение, что некоторые обязательства имеют неимущественный характер. Имуществом называется все то, что отделимо от личности, а это значит может иметь денежный эквивалент. Но так как предметом обязательства является передача вещей, прав на информацию, оказание услуг, выполнение работ, то они носят в силу своей «динамичной» природе исключительно имущественный характер.

Каузальная сделка – это сделка, из содержания которой видна правовая цель, и реализация этой цели является необходимым условием действительности сделки [13, С. 134]. Перенесение на покупателя права собственности в договоре купли-продажи, передача в собственность суммы денег в договоре займа образует каузу договора купли-продажи и договора займа соответственно. Если продавец не имеет намерения передать вещь в собственность покупателя, а покупатель уплатить за нее деньги, то договор купли-продажи является мнимой сделкой (п.1 ст.171 ГК), что означает его ничтожность. Если деньги по договору займа, имеющему конструкцию реального договора, не были переданы, то договор не заключен, что исключает обязанность заемщика по их возврату.

Все вышеуказанные точки зрения на каузу сделки (договора) можно разбить на две группы. Первая определяет каузальные сделки как сделки, которые порождают обязательства, обусловленные встречным предоставлением, т. е. возмездные. Вторая – как сделки, правовые цели сторон которых видны из содержания сделки или в случае поименованных договоров обозначены в законодательстве.

На наш взгляд, если правовая цель (кауза) не видна/не обозначена, то ставить действительность такой сделки от правовой цели (каузы) абсурдно. Если цель сделки не ясна, то доказать ее наличие сложно или невозможно. Поэтому в этом случае доказывание должно быть по принципу абстрактной сделки: бремя, доказывая отсутствия обязанностей, будет лежать на должнике, а не на кредиторе. В каузальной же сделке бремя доказывания своих прав лежит на кредиторе.

Тогда стоит вопрос об отличии договора дарения, обозначаемого как каузальная сделка, от абстрактных сделок цессии, предоставления гарантии, выдачи векселя. *Вопрос об основании обязательства в безвозмездных сделках не*

разработан в правовой доктрине. Например, по мнению Годэме, *в безвозмездных договорах воля непонятна без мотива.* Изучая судебную практику по делам о признании недействительными договоров дарения, Годэмэ обнаружил, что суды признают недействительными те из них, в которых мотив дарения признается противозаконным. Отсюда делается вывод, что в безвозмездных договорах основанием обязательства является мотив [14, С. 118-146]. Такая позиция не может быть использована в определении основания обязательства в каузальных безвозмездных рамочных (организационных) договорах (договорах, предполагающих в дальнейшем обусловленность предоставления встречным предоставлением в договорах-приложениях), поскольку предпринимательские сделки чаще всего имеют один и тот же мотив – получение прибыли [15, С. 12].

Еще большую сложность представляют безвозмездные сделки о временном владении и пользовании вещью – договор ссуды, безвозмездного займа. Обусловленность возврата основного (и единственного) предоставления – возврат вещи – присутствует: нельзя требовать возврата суммы займа, индивидуально-определенной вещи, если деньги/вещи не были предоставлены заемщику/ссудополучателю. Но эти договоры не являются возмездными, поэтому правовая цель, выгода ссудодателя/займодателя не видна. Вещь дают не для того, чтобы получить ее обратно. Здесь теряется смысл правовой цели (типичного правового результата) как каузы сделки (получить в собственность деньги, например), она выступает как фактическая цель сделки, а порой, как мы указали выше, мотив.

Если верно утверждение, что кауза договора лежит в основе классификации договоров, то не только правовой результат, но и способ его достижения представляют каузу договора. Так, приобретение в собственность автомобиля – это правовая цель, по-другому, типичный правовой результат, а возмездное приобретение в собственность автомобиля – это способ реализации правовой цели, и вместе они представляют каузу сделки.

Решение вопроса о каузальности или абстрактности, например рамочного договора, может встречать определенные трудности. Они связаны с двумя группами причин [15, С. 17]:

1. Известно, что понятие «кауза» применяется к двум различным правовым явлениям.

Во-первых, оно традиционно применяется к синаллагматическим договорам в смысле *встречного предоставления другой стороны*. В данном значении термин «cause», т. е. основание, применим к обязательству, порожденному рамочным договором (сделкой). Указанный вывод обосновывается тем, что *основание всегда является составным элементом обязательства, возникшего из возмездных сделок*.

Во-вторых, под термином «causa» *понимается цель сделки*, т. е. тот непосредственный правовой результат, который рассчитывают получить стороны, заключающие эту сделку (causa proxima). Этот результат может быть достигнут разными способами в зависимости от особенностей самой сделки. Соответственно каузальной следует считать такую *сделку, правовая цель которой непосредственно вытекает из ее содержания*. В абстрактной сделке её пра-

вовая цель не видна.

2. Поскольку взятый к примеру рамочный договор включает в себя систему базового договора и договоров-приложений, то выявление каузы сделки и каузы обязательства должно осуществляться по каждому из этих договоров в отдельности.

Учитывая, что цель базового договора как сделки – организация последующих деловых отношений сторон посредством заключения договоров-приложений – ясно видна из его содержания, становится понятным что рамочный договор является каузальной сделкой. Цель договоров-приложений может быть различной и определяется их правовой природой (договоры купли-продажи, концессии, мены, подряда и т. п.).

В большинстве случаев договоры-приложения также являются каузальными сделками. Однако нет препятствий для появления абстрактных сделок в качестве договоров-приложений. Например, допустимо заключение базового договора, предметом которого является заключение его сторонами в будущем договоров-займа, оформляемых посредством простых векселей стороны базового договора. Выдача таких векселей может рассматриваться как абстрактная сделка. Это же действие одновременно направлено на исполнение базового договора.

Если базовый договор не содержит твердую обязанность сторон заключать какие-либо договоры-приложения в будущем, то сложно говорить о встречном предоставлении, которое в данном случае отсутствует. Однако нет основания и для вывода о полном отсутствии самого обязательства из базового договора. Поскольку это сделка является безвозмездной, отсутствует и встречное предоставление. Ситуация осложняется тогда, когда содержание базового договора включает условие о предоставлении одной из его сторон какого-либо эксклюзивного права, например, право эксклюзивной покупки или условия о квоте. В отличие от общего правила такие условия возлагают на одну из сторон рамочного договора обязанность заключить договоры-приложения в определенных пределах. Например, условие об эксклюзивной покупке товара предоставляет одной из сторон рамочного договора право требовать от другой стороны, чтобы она не продавала свой товар третьим лицам.

Предлагаем *каузальными считать те сделки, в которых правовая цель каждой (в отличие от абстрактной, где видна цель только одной стороны) стороны видна* либо из содержания сделки в случае нетипичного интереса сторон поименованных договоров, либо обозначена в законодательстве в случае поименованных договоров.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

1.2. Кауза сделки и кауза обязательства

Преобладающее большинство обязательственных отношений, судя по объему правового регулирования в сравнении с обязательствами из причинения вреда и неосновательного обогащения, возникают на основании сделок. И если по причине отсутствия, нереализации или недействительности каузы зависит действительность каузальной сделки, то что происходит с обязательством, порожденным каузальной сделкой? Является ли оно всегда каузальным? И как соотносится кауза сделки с каузой обязательства?

Исходя из выводов, сделанных нами в первой части настоящей главы, можно заключить, что каузальная сделка – это всегда договор, т. к. каузальность определяется встречным предоставлением (пусть речь идет лишь о возврате предмета займа). И напрашивается вывод: кауза сделки (договора) определяет его предмет, т. е. цель определяет действия (передача вещи в собственность, хозяйственное ведение, оперативное управление; передача вещи во временное владение и пользование, оказание услуги, выполнение работы).

Понятие предмета договора, как правило, рассматривается в связи с учением о заключении договора. Условие о предмете договора выполняет функцию существенного условия, т. е. способа фиксации наиболее существенных прав и обязанностей сторон, заключающего в себе наиболее общие сведения о том, какие действия должны быть совершены в соответствии с договором. Данная функция условия о предмете договора выражается в содержании понятия предмета договора: для того, чтобы договор был предметным, достаточно лишь указать на сами по себе действия обязанных лиц. Иные характеристики договора, в частности взаимообусловленность предоставлений для выполнения функции показателя минимальной определенности соглашения, не нужны, а потому в понятие предмета договора не включаются. Наконец, специфичная функция условия о предмете договора обуславливает применимость данного понятия лишь к договорам.

Понятие каузы сделки выполняет совсем другие функции в механизме правового регулирования, прежде всего – функцию принудительного осуществления возмездности отношений, что обуславливает первостепенное значение момента взаимообусловленности предоставлений сторон возмездных отношений, которая понятием предмета договора не охватывается. Кауза сделки в отличие от предмета договора также включает в себя указание на предоставление, с которым связывается заключение реального договора. Наконец, кауза сделки является основанием для иных юридических последствий, нежели признание договора незаключенным [9, С. 33]. На наш взгляд, А. В. Кашанин, говоря о каузе сделки как об обусловленности встречным предоставлением, согласно нашим выводам в предыдущем разделе, имеет в виду каузу обязательства.

Обязательство сделки (договора) состоит из подобязательств, число которых определяется не только предметом договора, но и другими условиями договора. Реализация каузы сделки (предмета) определяет существование основного и встречного подобязательств. Например, в обязательстве купли-продажи основным подобязательством будет передача вещи, а передача денег – встречным, т. к. приобретаются не деньги, а вещи.

Обязательство реализуется через совершение сделок – передачу вещи, денег и т. п., которые порождают подобязательства. Уплата неустойки в случае не-

надлежащего исполнения договора, компенсация убытков, возврат арендуемого помещения и другие действия также порождают подобязательства.

Эртманом П. был рассмотрен вопрос о содержании цели в обязательстве: направлено ли обязательство на совершение должником определенного действия или же на достижение определенного результата. Эртман приходит к выводу, что *обязательство направлено на достижение результата посредством обязанности должника совершить определенное действие* или воздержаться от действия. Поэтому уже само совершение действия должником имеет большое значение. Кроме того, нельзя сказать, что действие должника совершено лишь тогда, когда наступил результат и этот результат получен кредитором. Действие должника совершено, хотя бы результат его не наступил [16, С. 75-76, 181].

Что же касается каузы обязательства, то это понятие используют в зависимости от рассматриваемой ситуации и разграничивают с понятием каузы сделки.

Впервые каузальная теория была сформулирована Дж. Дома (J. Domat), который не дает общего понятия каузы. Он различает [17, С. 22]:

- синаллагматические договоры, при которых основанием обязательства одной стороны служит обязательство другой;
- реальные договоры, где сопутствующее заключению договора предоставление является основанием обязательства;
- акты щедрости, в отношении которых Дома, однако, не говорит, что основание устанавливается намерением проявить щедрость.

Обязательство дарителя имеет свое основание в каком-нибудь разумном и справедливом мотиве, как, например, оказание услуги одаренным или какая-нибудь другая заслуга одаренного, или одно лишь удовольствие сделать хорошее. И этот мотив заменяет основание на стороне того, кто дает, ничего не получая. *Следовательно, при безвозмездных договорах нельзя говорить об основании в том же смысле, как при возмездных, и то, что называют в других случаях основанием, в этих сделках – только мотив.*

Основанием договора признается непосредственная цель, которую стороны имели в виду при заключении договора; часто говорят также, что это – конечная цель, непосредственно объясняющая обязательство, ближайшая цель.

Разграничение абстрактной и каузальной сделок осуществляется в литературе крайне нечетко, в основном из-за недостаточной определенности самого понятия «основание» или кауза.

Взгляды исследователей указанной проблемы противоречивы. **Одни авторы определяют каузу как цель сделки**, под которой понимается тот непосредственный правовой результат, для достижения которого устанавливается, изменяется или прекращается правоотношение и который должен наступить после совершения и ее исполнения [18, С.57].

Другие понимают под каузой основание обязательства. Так, Евгений Годэмэ ссылается на две теории, по-разному решающие проблемы основания обязательства, и предлагает третью, построенную на достижениях первых двух [14, С. 167].

Первая, каузальная теория, является классической. Ее разделяют почти все известные представители французской правовой науки. Согласно этой теории, кауза есть ближайшая цель, непосредственно объясняющая обязательство (**causa proxima**). Таким образом, основание обязательства противопоставляется более или менее отдаленным соображениям, не имеющим правового характера, кото-

рые могли повлиять на волю обязанного лица. Эти соображения являются мотивами (*causa e remotae*) – отдаленными основаниями, называемыми иногда побудительными причинами. **Согласно каузальной теории основание обязательства определяется по-разному в двусторонне-обязывающих и в односторонне-обязывающих договорах, в возмездных и безвозмездных сделках.**

Двусторонне-обязывающих договорах, порождающих сложное обязательство, состоящее из двух простых, обязательство одной стороны служит основанием обязательства другой стороны. Таким образом, в договоре купли-продажи обязательство покупателя имеет основанием обязательство продавца. Некоторые авторы считают основанием предоставление, обещанное другой стороной. Итак, то, что является основанием обязательства одной из сторон, служит предметом обязательства другой. Отсюда следует, что, если одно из обязательств в синаллагматическом (двусторонне-обязывающем) договоре действительно ввиду отсутствия его объекта (например, вещи, погибшей в пожаре), соответствующее обязательство будет недействительным ввиду отсутствия основания. Так, в случае продажи дома, сгоревшего ко времени продажи, обязательство продавца не может возникнуть за отсутствием объекта; обязательство покупателя имеет, конечно, предмет – платеж цены; но оно не возникает за отсутствием основания.

В правопорядках стран общего права защита взаимной обусловленности предоставлений сторон возмездных отношений осуществляется в форме требования к сторонам контракта иметь **серьезное намерение вступить в обязательство**, которое является одним из условий признания сделки, имеющей юридическую силу. При этом, согласно праву Англии и США, **обещание считается серьезным, как правило, при наличии встречного удовлетворения (consideration)** [19, С. 89-106].

Логическим основанием признания юридического значения как каузы сделки, так и доктрины consideration служит предположение о том, что юридически обязывающее обещание лицо обычно дает при условии получения встречного предоставления. Таким основанием является предположение о возмездности отношений сторон, понимание юридически связывающего договора, прежде всего, как возмездной сделки. Если же обещание дано без условия о встречном предоставлении, оно должно обладать особыми свойствами, демонстрирующими его продуманность и серьезность. Данные обстоятельства связывают доктрину consideration и учение о каузе сделки.

Таким образом, основная идея доктрины consideration заключается в следующем: встречное удовлетворение имеет место, если оно представляет собой ответную услугу, которую обещающий хотел бы получить. При этом обещание, выполняющее функцию встречного удовлетворения, должно составлять неотъемлемую часть заключаемой сторонами сделки. Тем самым защищается взаимная обусловленность односторонних обязательств в сложном обязательственном правоотношении [20, С. 34].

По мнению К. Осаке, «*causa* есть побуждающая цель, ради которой стороны связывают себя обязательством, а *consideration* – побуждающая ценность, ради которой стороны связывают себя обязательством» [20]. Сначала должна быть установлена цель, ради которой заключается договор, являющийся основанием возникновения обязательства, а затем данная цель должна быть конкретизирована в виде определенного встречного предоставления.

Очевидно, что правовые явления «consideration» и «causa» близки по своему значению. Тем не менее, их необходимо различать, поскольку развитие данных правовых явлений происходило в различных системах права, следовательно, и значение придавалось им различное.

Односторонние возмездные договоры порождают только одно обязательство. Основание состоит в предоставлении, ранее совершенном кредитором. Например, при займе основание обязательства заемщика заключается в передаче вещи, ранее совершенном займодавцем. Следовательно, *здесь основанием обязательства служит не соответствующее обязательство, а предоставление.*

Существо **безвозмездных договоров** таково, что *основанием обязательства должника не может быть ни встречное обязательство, ни предоставление.* Соответственно, при дарении, как утверждают сторонники каузальной теории, **основанием служит намерение** (т. е. мотив!) проявить щедрость со стороны обязанного лица. Намерение обогатить одаренного, не получая взамен ничего.

Сторонники противокаузальной теории подвергают критике определение основания обязательства (непосредственно цель, на которую направлена воля). Они полагают, что такое определение является слишком широким. Мотив также может быть непосредственной и конечной целью, конечным основанием. Отсюда делается *вывод о невозможности противопоставить мотив основанию обязательства*, опираясь только на определение кауза. **Противники каузальной теории настаивают на невозможности применения понятия основания во всех трех типах договоров, перечисленных выше.** Утверждение, что в сложных обязательствах одно простое обязательство является основанием другого, по их мнению, противоречит формальной логике. Обязательство продавца имеет основанием обязательство покупателя. Следовательно, оно может возникнуть, если до этого существует обязательство покупателя. Но обязательство покупателя также имеет основанием обязательство продавца и не может возникнуть раньше его. *Следовательно, идея неправильна, это понятие бесполезно.* **Когда нет основания, договор недействителен за отсутствием предмета** [21, С. 201] (следует обратить внимание, что основание понимается как предмет договора); ибо мы видели, что **основание одного обязательства есть предмет другого обязательства.** Если договор уже недействителен за отсутствием предмета, к чему нужно добавлять, что он недействителен также за отсутствием основания. **На наш взгляд, основание (кауза, цель) договора определяет его предмет, т. е. совокупность действий (прав требования действий) по перемещению вещей, услуг, работ, информации.**

Классическая теория утверждает, что в односторонних возмездных договорах обязательство заемщика имеет основанием полученное им предоставление. Противники каузальной теории делают вывод, что указанное определение исходит из смешения. Это договор реальный; он заключается с передачей вещи. Без передачи занятой вещи нет займа. Следовательно, то, что здесь принимают за основание договора, есть акт, порождающий самый договор. При этом бесполезно говорить, что договор недействителен из-за отсутствия основания, если он вообще не заключен. Нельзя вернуть то, что не было получено.

Утверждение сторонников каузальной теории, что в обязательствах, возникших из безвозмездных договоров, основанием является намерение проявить щедрость тавтологично. Получается, что основанием щедрости есть щедрость.

Отсюда противники каузальной теории делают вывод, что теория основания должна быть изгнана из теории гражданского права.

Проанализировав недостатки и достоинства каждой из указанной теорий, Е. Годэмэ предложил свою теорию [14]. Согласно его точки зрения в возмездных договорах основанием обязательства служит или соответствующее обязательство, в котором обязанное лицо является кредитором, или предоставление, полученное обязанным лицом. В обоих случаях оно имеет общий характер. Основание – то, что является экономической ценностью: правом требования – в первом случае, и переданной вещью – во втором. В безвозмездных договорах воля понятна без мотива. Изучая судебную практику по делам о признании недействительными договоров дарения, Е. Годэмэ обнаружил, что суды признают недействительными те из них, в которых мотив дарения признается противозаконным. Отсюда делается вывод, что в безвозмездных договорах основанием обязательства является мотив. На наш взгляд, речь идет не о мотиве (быть щедрым, быть богатым, отблагодарить и др.), а о фактической цели (избежать обращения взыскания на имущество по обязательствам, желание освободиться от бремени содержания имущества и др.).

Третья группа исследователей, самая многочисленная, определяет каузу как цель сделки, т. е. тот правовой эффект, которого стремятся достигнуть путем совершения предоставления или действия, те правоотношения, которые должны возникнуть, измениться или прекратиться. На первый взгляд, их позиция аналогична точке зрения авторов, отнесенной к первой группе. Но когда исследователи более подробно анализировать понятие «цель сделки», становится очевидным, что фактически речь идет об основании обязательства, подробно описанным Е. Годэмэ.

Так, в учебнике Гражданского права 1944 года указано, что **цель сделки** может заключаться в том, чтобы совершающий предоставление, в свою очередь, получил предоставление (**causa credendi**), или в намерении совершить одарить, **безвозмездные предоставления (causa donandi)**, или в **прекращении правоотношения (causa solvendi)** в односторонних возмездных договорах (хранение, заем) (должник преследует правовую цель – вернуть ранее полученное) [22, С. 103]. Иногда смешение понятий «цель сделки» и «основание обязательства» происходит не так очевидно, как в приведенном выше примере. Порой тот или иной автор утверждает, что дает определение основанию сделки, а фактически пишет об основании обязательства [18; 23].

Четвертая группа исследователей понимает под основанием сделки те *мотивы*, от наличия которых зависит ее юридическая природа [24]. По сути дела, эта точка зрения является разновидностью первой и под основанием сделки подразумевает ее *цель, т. е. мотив, имеющий правовое значение, который определяет особенности каждой юридической конструкции*.

И наконец, имеются отдельные работы, которые используют понятие «основание сделки», но никак его не определяют.

Представляется, что **отмеченная выше путаница в определении термина causa произошла из-за смешения понятия договора (сделки) как юридического факта и договора как правоотношения**. Поэтому необходимо разграничивать два разных правовых явления – цель сделки (каузы) и основание обязательства (кауза).

Под целью сделки (кауза) предлагается понимать тот непосредственный правовой результат, который рассчитывают получить стороны, заключающие эту сделку. В каузальных сделках цели сделок находят свое выражение в волеизъявлении сторон (в реквизитах подписанного ими документа), а также в диспозиции соответствующих норм. Например, цель независимой гарантии ясно определяется не только из волеизъявления сторон, но и из редакции статьи 164 Банковского кодекса Республики Беларусь [25]. Независимая гарантия заключается с целью обеспечения исполнения обязательств принципала. Таким образом, независимая гарантия – каузальная сделка.

Так, целями сделок могут быть: передача права собственности на вещь (права) (купля-продажа, дарение); передача имущества во временное пользование (аренда, ссуда) и т. п.

В абстрактных сделках цель сделки не может быть обнаружена в результате изучения их формы. Для чего выдается вексель – не ясно: возможно, для приобретения в собственность денег или для перепродажи/ залога, а возможно вексель и не будет предъявлен к платежу.

Цель сделки может быть достигнута разными путями в зависимости от особенности самой сделки. Иногда желаемый правовой результат возникает непосредственно в результате совершения сделки, например, в случае заключения так называемого вещного договора [26]. В указанной ситуации конечный правовой результат происходит на стадии возникновения, а не исполнения договора. Однако в большинстве случаев в результате заключения сделки возникает обязательственное правоотношение, объектом которого является действие обязанного лица. Так, в результате заключения договора купли-продажи по общему правилу право собственности переходит не в результате заключения договора, а в результате его исполнения. Следовательно, конечный результат сделки проявляется только в результате ее исполнения.

Основание (кауза) обязательства – иное понятие. Основываясь на теории Е. Годэмэ, **под основанием обязательства предлагается понимать встречное предоставление, полученное обязанным лицом, либо обязательство, в котором обязанное лицо является кредитором.** Понятие основания (кауза) обязательства позволяет объяснить, почему возникает обязанность должника совершить те или иные действия (бездействие) во исполнение каузальной сделки.

Несмотря на разное понимание термина «кауза», авторы, которые так или иначе рассматривают его в своих работах, оказываются единодушны в одном: правовым последствием отсутствия или незаконности основания является недействительность каузальной сделки. Учитывая, что **одни авторы понимают под causa цель сделки, а другие – основание обязательства**, т. е. разные правовые явления, вряд ли отсутствие каузы во всех случаях должно иметь одни и те же последствия.

Рассматривая проблему взаимных обязательств, следует отметить, что предшествующее и встречное предоставление, которые имеют место в этом обязательстве, являются типовой целью применительно к конкретному договору и одновременно представляют собой основание договора.

С другой стороны, предоставление, по времени предшествующее встречному, является каузой (основанием) для встречного предоставления, поскольку существует обусловленность при исполнении взаимного обязательства. Действия стороны А, которые она совершает до действий стороны Б, являются не-

обходимым признаком для совершения действий стороной Б. Фактически возникает правовая модель обязательства, при которой обязательным признаком обязательства является взаимность, то есть обусловленность при исполнении обязательства. А. Г. Карапетов указывает, что «...в таких «обменных» договорах каждая из сторон осуществляет свое предоставление при условии (или в обмен на то), что другая сторона осуществила или осуществит свое» [27, С. 96].

Если предшествующее предоставление и встречное предоставление являются основанием взаимного (синаллагматического) договора, то в определенной мере (исключительно в той мере, что они являются основанием договора), они являются и целью обязательства. Представляется необходимым определить приоритет предшествующего или встречного предоставления в качестве цели обязательства.

Кулаков В. В. считает достаточно сложным определить единую цель взаимного обязательства. Он подчеркивает, что «...здесь следует брать за основу не цель денежного кредитора, который получает денежный эквивалент (плату), поскольку денежная оплата является всеобщим мерилом, эквивалентом, а цель другого контрагента» [28, С. 25]. Это утверждение представляется справедливым, поскольку во взаимном договоре, являющемся основанием возникновения взаимного обязательства, «другой контрагент», являющийся должником, сам стремится исполнить возложенную на него обязанность, учитывая фактор взаимобусловленности.

Одновременно необходимо различать каузу обязательства и цель обязательства. По мнению И. В. Бекленищевой, «кауза обязательства – это никогда не цель обязательства, но его основание или причина» [29, С. 51].

Как автор указывал выше, на практике встречаются случаи, при наличии взаимного обязательства, когда основанием встречного предоставления является предшествующее исполнение. Известно, что встречное предоставление – это составная часть предмета взаимного обязательства (понимая, что предмет обязательства – это действие или воздержания от совершения действия). В комплексе предшествующее исполнение и встречное исполнение являются целью обязательства при преобладающей роли исполнения, возложенного на должника. В этом случае очевидна двойная функция ***предшествующего исполнения: по отношению к встречному предоставлению оно является каузой, а в комплексе со встречным предоставлением является целью обязательства.***

Кроме того, следует различать основание сделки и основание обязательства. Об этом упоминает Р. С. Бевзенко, который указывает, что «...понятия об основании сделки и основании обязательства будут различными» [30, С. 402].

Основанием возникновения обязательств, в том числе взаимного (синаллагматического) обязательства является определенный юридический факт, например, сделка (договор), судебное решение, причинение вреда или неосновательное обогащение. И. С. Розенталь указывает, что «влияние «каузы», как предшествующего правооснования, на последующее действие стороны в обязательстве весьма энергично. Например, римское право считало недействительными дарения между супругами, вследствие чего действия, совершенные на основании этой «каузы», признавались недействительными...» [31, С. 262]. Таким образом, в качестве каузы обязательства И. С. Розенталь понимал правовое основание, то есть определенный юридический факт, например, договор.

Одновременно сделка (договор) как основание обязательства имеет свое собственное основание, которое является и целью сделки (договора). Цель (основание) сделки (договора), являющейся основанием обязательства, одновременно является целью обязательства, но из этого логического умозаключения не следует, что основание договора и основание обязательства совпадает. В. В. Кулаков указывает, что «связь целей в сделке и обязательстве объясняется простым обстоятельством – обязательство порождается сделкой» [32, С. 55].

Аналогичной позиции придерживается А. Д. Корецкий, считающий, что «если непосредственной целью договора является установление юридического отношения (обязательства), т. е. создание ситуации, при которой обладатель желаемого блага будет обязан удовлетворить потребность заинтересованного лица..., то его основанием будут те юридические значимые обстоятельства, которые явились причиной его (договора) заключения на конкретных условиях между определенными лицами» [20, С. 37].

Учитывая, что основной классификационный критерий для разграничения каузальной и абстрактной сделок был выше признан несостоятельным, необходимо предложить иной подход для решения этой задачи.

Учитывая предложенное выше разграничение двух различных правовых явлений – цели (каузы) сделки и основания (кауза) обязательства, соответственно предлагается различать основанные на таком разграничении следующие правовые понятия:

- абстрактная или казуальная сделка;
- абстрактное или каузальное обязательство.

Выше было указано, что целью сделки является тот непосредственный правовой результат, который рассчитывают получить стороны, заключающие эту сделку. Следовательно, **под каузальной сделкой нужно понимать такую сделку, цель которой может быть выявлена** в результате изучения волеизъявления сторон. Соответственно, абстрактной сделкой необходимо признать такую сделку, цель которой не может быть определена на основании изучения волеизъявления сторон [33, С. 19].

Цель сделки достигается разными способами. Так, передача права собственности на вещь может осуществляться *возмездно (купля-продажа) или безвозмездно (дарение)*. В указанных случаях правовое значение понятия «цель сделки» заключается в следующем: **цель каждой каузальной сделки наряду со способом ее достижения позволяет определить ее правовую природу – тот договорный тип, которому она принадлежит.**

В абстрактных сделках цель сделки не может быть выявлена из ее условий. Например, из текста векселя не ясно, для достижения какой правовой цели он выдан.

Каузальным обязательством следует считать такое обязательство, в состав которого входит основание обязательства дополнительного элемента наряду с субъектами, объектом и содержанием. Соответственно, при отсутствии (отпадении) основания или недействительности основания каузального обязательства оно прекращается.

Абстрактным обязательством следует считать такое обязательство, в составе которого отсутствует основание. Элементами этого обязательства только субъекты, объект и содержание. Основание абстрактного обязательства

(как причина, по которой оно дано) существует, однако его отсутствие (отпадение) или недействительность не влияет на его юридическую силу.

Абстрактность проявляет себя в двух аспектах – как материальная и как процессуальная абстракция. Материальная абстракция заключается в том, что основание прямо не выражено, не названо, а существует за рамками данного обязательства. **Почему был выдан вексель – неясно: возможно, по договору купли-продажи не заплатили, а выдали вексель.** Но это уже иное обязательство – из купли-продажи. И второй аспект абстрактности – процессуальный: иное распределение бремени доказывания – на должнике, а не на кредиторе. По общему правилу *обязательства векселедателя простого векселя никак не зависят от его основания (встречного предоставления), которое, как правило, возникает во вне-вексельных правоотношениях.* Таким образом, обязательство главного вексельного должника является по общему правилу материально абстрактным. Но ссылка на дефект основания вексельного обязательства возможна, однако бремя доказывания переносится с кредитора на должника (процессуальная абстракция).

В результате проведенного выше разграничения понятий «абстрактная» и «каузальная» сделка и «абстрактное» и «каузальное» обязательство возникает вопрос об их соотношении, поскольку сделки являются одним из оснований возникновения обязательств. Иными словами, необходимо ответить на вопрос: всегда ли абстрактная сделка порождает абстрактное обязательство, а каузальная сделка – каузальное обязательство либо возможны смешанные случаи, когда каузальная сделка приводит к возникновению обязательства, а абстрактная сделка – к появлению каузального обязательства? Как известно, большинство сделок являются каузальными, а порождаемые ими обязательства также носят каузальный характер. Не представляется возможным привести хотя бы один пример, когда абстрактная сделка привела бы к появлению каузального обязательства.

Однако возможно указать на один случай, когда совершение каузальной сделки приводит к появлению абстрактного обязательства. Так, например, предоставление банковской гарантии является каузальной сделкой. Выдача банковской гарантии порождает обязательство, сторонами которого являются гарант и бенефициар. Основанием обязательства гаранта является денежная сумма, уплачиваемая принципалом гаранту за предоставление гарантии. Однако это основание обязательства гаранта лежит вне правоотношения по банковской гарантии. Оно вытекает из договора о предоставлении банковской гарантии. Учитывая, что субъектный состав правоотношения по банковской гарантии (гарант и бенефициар) отличается от субъектного состава договора о предоставлении банковской гарантии (гарант и принципал), отсутствие основания обязательства гаранта (например, принципал не заплатил гаранту) не оказывает никакого воздействия на юридическую судьбу на обязательство гаранта платить по выданной им гарантии.

Учитывая, что гарант обязан платить вне зависимости от того, что он не получил от бенефициара никакого встречного предоставления, обязательство по банковской гарантии следует считать абстрактным.

На основании изложенного допустим вывод, что каузальные сделки могут иногда приводить к появлению абстрактных обязательств.

Таким образом, термины «основание обязательства» и «цель сделки» имеют разное правовое значение. В связи с этим не следует употреблять как синонимы, что нередко делается в правовой литературе.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

1.3. Соотношение мотива, цели, основания (каузы) сделки

Как уже отмечалось выше, с давних времен существует некоторая неопределенность по проблеме разграничения этих элементов сделки: мотива, цели и, собственно, каузы.

Сделка – это волеизъявление субъекта, имеющее целью создание, изменение или прекращение его прав и обязанностей по отношению к третьим лицам. Цель, преследуемая субъектами, совершающими сделку, всегда носит правовой характер – приобретение права собственности, права пользования определенной вещью и т. д. В силу этого не являются сделками морально-бытовые соглашения, не преследующие правовой цели, – соглашения о свидании, совершении прогулки и т. д. Типичная для данного вида сделок правовая цель, ради которой они совершаются, называется основанием сделки (causa).

Предложенное понимание causa, как мы обозначили в предыдущем разделе, одно из многих. Понятие causa, ее определение относятся к разряду вечных проблем цивилистики [34, С. 170-175; 35, 10, С. 99-181].

Так, основанием (типичной правовой целью) договора займа является передача займодавцем в собственность заемщика денег или иных вещей, определяемых родовыми признаками, с возложением на заемщика обязанности по возврату той же суммы денег или равного количества вещей того же рода и качества. Для договора дарения основанием (типичной правовой целью) является безвозмездная передача имущества дарителем в собственность одаряемого. Естественно, если одно лицо передает другому лицу в собственность, допустим, деньги, то для них обоих важно, какая правовая цель преследовалась отдающим деньги – безвозмездная передача без обязанности их возврата или передача с обязанностью их возврата, ибо важно знать, дарит или отдает займы отдающий деньги. Из этого видно, почему правовая цель именуется основанием сделки. Определение сделки как действия, направленного на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, является абстрактным. Благодаря правовой цели, преследуемой лицом, совершающим сделку, она приобретает конкретную юридическую определенность, позволяющую ответить на вопрос, к какому признаваемому действующим гражданским законодательством типу волеизъявлений (односторонних сделок или договоров) относится эта сделка.

Юридические последствия, возникающие у субъектов вследствие совершения сделки, представляют собой ее правовой результат. Виды правовых результатов сделок весьма разнообразны. Это может быть состояние юридической связанности лица, сделавшего оферту (предложение заключить договор), возникновение правоотношения, приобретение права собственности, переход права требования по обязательству от кредитора третьему лицу, возникновение полномочий представителя и др.

По общему правилу правовой результат сделки должен быть ее реализованной правовой целью. Вместе с тем в абсолютном большинстве случаев правовые результаты сделок следует разделять на промежуточные и конечные. Так, после заключения договора купли-продажи его участники оказываются связанными обязанностями по передаче имущества и его оплате, что составит промежуточный правовой результат сделки – договора купли-продажи. Переход

права собственности на имущество в результате его передачи и переход права собственности на деньги как следствие оплаты имущества будут являться конечным правовым результатом сделки – договора купли-продажи.

Цель и правовой результат не могут совпасть, когда в виде сделки совершаются неправомерные действия. Если, совершая для вида дарение, то есть осуществляя мнимую сделку, гражданин спасает от конфискации преступно нажитое имущество, то правовое последствие в виде перехода права собственности в силу недействительности мнимой сделки не наступит и имущество будет конфисковано. При совершении в виде сделок неправомерных действий наступают последствия, предусмотренные законом на случай неправомерного поведения, а не те последствия, наступления которых желают субъекты, совершившие их. Правовой результат, к которому стремились субъекты сделки, может быть не достигнут, например, в случае неисполнения обязательства, порожденного ею, или стать недостижимым, например, в случае гибели вещи, являвшейся предметом сделки.

Юридические цели (основания сделки) нельзя отождествлять с социально-экономическими целями субъектов сделки, т. е. с фактическими целями сделки. Это важно по двум причинам: во-первых, одна и та же социально-экономическая цель может быть достигнута через реализацию различных правовых целей (например, социально-экономическая цель использования автомобиля может быть достигнута через реализацию таких правовых целей, как приобретение права собственности на автомобиль или приобретение права пользования в результате найма автомобиля); во-вторых, сам по себе факт заведомого противоречия социально-экономических целей субъектов основам правопорядка или нравственности служит основанием для признания неправомерности действия, совершенного в виде сделки (эту причину обозначает Суханов, и она имеет прямое отражение в статье 169 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [35].

Психологически очень часто принимаются решения о вступлении в договорные отношения под воздействием факторов для достижения последующих, других, более отдаленных целей. Такую отдаленную, но практически необходимую цель стороне, вступающей в договор, побудительную причину, повод для заключения договора называют мотивом. Мотивация поведения может быть самой различной. Сдавать покупаемый дом внаем и получать доход, надеть новое платье и понравиться кому-то и т. п., получить контроль над компанией, имея контрольный пакет акций, и т. д. Мотив для каждого договора индивидуален, субъективен.

Согласно каузальной теории, кауза есть ближайшая цель, непосредственно объясняющая обязательство (**causa proxima**). Таким образом, основание обязательства противопоставляется более или менее отдаленным соображениям, не имеющим правового характера, которые могли повлиять на волю обязанного лица. Эти соображения являются мотивами (**causa remotae**) – отдаленными основаниями, называемыми иногда побудительными причинами.

Юридические цели сделки необходимо отличать от мотива, по которому она совершается. Мотив как осознанная потребность, осознанное побуждение – фундамент, на котором возникает цель. Поэтому мотивы лишь побуждают

субъектов к совершению сделки и не служат ее правовым компонентом, за исключением особых случаев, указанных в законе [11].

Таковым является правовая цель – основание сделки. **Ошибочность мотива не может повлиять на действительность сделки.** Например, некто покупает мебельный гарнитур, надеясь, что в скором времени ему подарят квартиру. Но дарения не произошло. Ошибочный мотив (квартира не подарена) не может повлиять на действительность сделки по покупке мебельного гарнитура. Право собственности на мебельный гарнитур (в этом заключается цель договора купли-продажи) переходит к покупателю, и он не может отказаться от сделки. Учет мотивов подрывал бы устойчивость гражданского оборота.

Однако, согласно п. 1 ст. 28 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей», при определенных условиях потребитель может расторгнуть договор купли-продажи непродовольственного товара, допустив ошибку при определении его фасона или расцветки [36].

Вместе с тем стороны по соглашению могут придать мотиву правовое значение. В этом случае мотив становится условием – элементом содержания сделок, совершенных под условием. При признании сделки недействительной, как совершенной под влиянием обмана, правовое значение имеют мотивы, влияющие на формирование воли обманутого по такой сделке.

В теории гражданского права с давних времен существует неопределенность по проблеме основания договора и цели договора, что порождает дискуссии относительно разграничения понятий «основание договора» и «цель договора». По мнению автора, основание и цель договора (в том числе и взаимного) существуют отдельно независимо друг от друга, но фактически основание и цель договора синонимичны, поскольку, заключая договор, субъекты гражданско-правовых отношений имеют намерение (цель) породить обязательство, смысл которого, как выше указал автор, заключается в получении определенных благ. Эта цель заключаемого договора, которое порождает обязательство, и является основанием договора, то есть побудительным обстоятельством для заключения гражданско-правового договора. Как полагают О. Г. Ломидзе и Э. Ю. Ломидзе: «Конечная цель каждой стороны двусторонне обязывающего возмездного договора находит отражение в содержании прав и обязанностей сторон. Можно также сказать, что цель управомоченной стороны обязательства находит отражение в объекте его права – действии, которое должно совершить обязательный» [37, С. 145].

Общераспространенное мнение относительно соотношения основания договора и цели договора заключается в необходимости понимать эти два правовых явления как синонимы. Таких взглядов придерживается, например, В.С. Ем, указывающий, что «типичная... правовая цель... называется основанием сделки (causa)» [11, С. 442].

В цивилистике существовали и существуют противоположные позиции, например, Д. Д. Гримм полагал необходимым различать основание (causa) и цель, аргументируя это тем, что causa – это объективный результат, который должен быть достигнут исполнением сделки, а цель – это желаемый результат [38],

а Ф. С. Хейфец считает, что «...цель и основание вряд ли понятия тождественные.

Цель в сделке – это то, к чему стремятся участники сделки... Основание – это то главное, на чем зиждется сделка, то, что составляет ядро сделки» [39, С. 18]. При дальнейшем рассуждении Ф. С. Хейфец указывает, что «хотя «цель» и «основание» – понятия не тождественные, в сделке они означают одно и то же» [39, С. 18]. Автор полагает, что позиция Ф. С. Хейфец, несмотря на указание отсутствия тождественности, в итоге подтверждает обратное, поскольку сделка зиждется на том, к чему стремятся стороны сделки.

По мнению автора, существуют ситуации, когда цель и основание (causa) не совпадают. В качестве примера можно привести заключение мнимой (фиктивной) сделки, которая совершается для вида, без намерения создать юридические последствия. Таким образом, возникает ситуация несоответствия основания определенной сделки (договора) имеющейся у сторон цели совершения данной сделки. Аналогичной позиции придерживается М. В. Кротов: «Конкретная правовая цель может не совпасть с основанием сделки...» [40, С. 282].

Однако в обычных условиях заключения определенного договора проблемы несоответствия основания (causa) сделки (договора) цели не существует, поскольку имеется определенная (типичная) цель у сторон договора (обязательства), которая способствует заключению договора, является его основанием.

Используя оборот «обычные условия», следует иметь в виду, что это условия, предусмотренные законодательством и устоявшимися правилами оборота применительно к определенному виду договора. По мнению В. В. Кулакова, «...вернее понимать под каузой сделки типовой юридический результат, установленный законом, с которым стороны конкретной сделки должны соотносить свои конкретные цели и имеющие правовое значение мотивы. Указание на конкретные цели сторон позволяет сказать, что кауза даже близких договоров должна различаться, если закон по-разному регулирует отношения из них» [41].

Рассматривая проблему взаимных обязательств, следует отметить, что предшествующее и встречное предоставление, которые имеют место в этом обязательстве, являются типовой целью применительно к конкретному договору, и одновременно представляет собой основание договора.

Для признания синонимичными каузы (causa) и цели договора необходимо, чтобы кауза (causa) была законной и осуществимой. Имеется и обратная зависимость, которая выражается в необходимости соответствия цели договора закону. Если у сторон цель, преследуемая ими, не соответствует императивным требованиям, то говорить о безупречности в конкретном договоре нельзя. В. А. Рясенцев указывал, что «...если в момент заключения сделки цель ее неосуществима, то сделка не имеет юридической силы – например завещание вклада в пользу лица, о смерти которого в момент завещания вкладчик не знал» [42, С. 9].

В каждом договоре, в том числе во взаимном (синаллагматическом) договоре, имеется кауза (causa). Ведь каждый заключаемый договор должен иметь определенное основание. Стороны при заключении договора в любом случае осознают, какое основание лежит в предполагаемом договоре, хотя и возможна ситуация, когда имеется несоответствие цели и основания. Н. А. Полетаев занимался анализом данного вопроса: «Когда же не бывает этой каузы, этого представления об обязательствах другой стороны? Я думаю, никогда не бывает

отсутствия каузы» [6, С. 35], хотя в процессе рассуждения приходит к выводу, что возможны случаи отсутствия каузы (например, в случае насилия по отношению к одной из сторон договора, когда отсутствует свободная воля).

По мнению Ершова И. И., основание договора всегда наличествует, а если договор и является недействительным (ничтожным или оспоримым), то это связано с другими обстоятельствами, которые перечислены в гражданском законодательстве [18, С.58]. С данным положением мы не согласны, например, у мнимой и притворной сделки отсутствует кауза, поэтому не может быть достигнут обозначенный договором юридический результат.

Помимо широкого теоретического обсуждения проблемы каузы и соотношения ее с целью договора, современная судебная практика также способствует некоторому разъяснению и большему пониманию данных проблем. Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 9 декабря 2008 года по Делу № А32-4125/2008-11/44 указал: «Обращаясь в суд с требованием о признании сделки недействительной по мотиву притворности, истец должен обосновать, что, заключая оспариваемую сделку, стороны не преследовали цели достижения именно того правового эффекта, который на модельном уровне предусмотрен законодателем применительно к соответствующей сделке. Из легального определения дарения (ст. 572 Гражданского кодекса РФ) усматривается, что правовой эффект дарения состоит в отчуждении имущества и при этом приобретатель не обязан к встречному предоставлению. Наличие обусловленности передачи... своего имущества – акций встречным предоставлением, полученным даже за рамками договора от 17 октября 2007 г., исключает возможность квалификации оспариваемого договора как договора дарения. Кроме того, надлежит выявить каузу дарения. ...**каузой дарения являются мотивационные устремления дарителя.** Им может являться благодарность, стремление из родственных или дружеских мотивов увеличить безвозмездно имущественную сферу одаряемого, проявление приязни к одаряемому» [43].

Очевидно, что суд обращает внимание на необходимость выявить цель и основание договора. Также суд полагает нужным определить каузу того договора, который, как считают стороны, был заключен. В данном случае стороны предполагали, что они заключили договор дарения.

Суд предположительно указывает, что может являться каузой дарения, но упоминает также мотив, но мотив не является правовым элементом договора. **Мотив – это явление, касающееся внутренних процессов, которые побуждают к заключению договора**, хотя необходимо признать соответствие мотива цели, а, следовательно, и основанию договора в типичных случаях, предусматривающих типичную правовую конструкцию того или иного договора.

Так, судебная практика наделяет правовым значением мотив сделки, хотя он субъективен и не может определять недействительность сделки, т. к. не имеет юридического значения. **По ч. 2 п.1 ст. 179 ГК, заблуждение относительно мотивов сделки не имеет существенного значения, т. е. недействительность сделки не может быть доказана на основе мотива. Мотив играет предопределяющую роль в формировании цели сделки, которая, в свою очередь, обуславливает выбор основания.**

Таким образом, основание противопоставляется более или менее отдален-

ным соображениям, по которым заключается договор, которые могли влиять на волю обязанного лица; эти соображения являются мотивами, отдаленные основания, называемые иногда побудительными причинами. Соответственно, в определенном договоре основание обязательства одной из сторон будет всегда одно и то же; оно зависит исключительно от природы договора, тогда как мотивы будут разнообразны до бесконечности, в зависимости от отдельных видов. Отсюда следует, что во всяком договоре основание неизбежно известно обеим сторонам, так как оно зависит от самой природы договора. Напротив, **мотив может остаться неизвестным контрагенту. Поэтому право может принимать во внимание основание, но не мотив.**

Итак, каузальная сделка основывается на трёх взаимоопределяющих элементах: мотиве, цели и каузе. Хотя они зависят друг от друга, правовую силу имеют разную. Так, если кауза непосредственно определяет действительность сделки, то мотив вообще не играет никакой роли с точки зрения действительности сделки. Мотив играет лишь предопределяющую роль в формировании цели сделки, которая, в свою очередь, обуславливает выбор основания

Гражданин, совершая сделку, преследует определенную цель, которая реализуется в исполнении сделки, т. е. в результате. Основание (кауза) сделки – это юридическая цель, которая обязательно должна быть достигнута посредством исполнения обязательств сторон сделки, т. е. кауза сделки должна быть эквивалентна типовому юридическому результату. Понятием основания сделки возможным представляется достигнуть фактической цели сделки. Например, договор купли-продажи позволяет покупателю распорядиться приобретенной вещью. Но, в отличие от основания, цель сделки не является типовым юридическим результатом, хотя и не имеет правового значения по законодательству Республики Беларусь, исходя из судебной практики, все-таки имеет правовое значение – она должна быть законной.

По нашему мнению, придание мотиву юридического значения и юридической силы чревато далеко идущими последствиями. Во-первых, мотив является феноменом сугубо субъективным, и его определение в силу этого представляет сложность для третьих лиц, в частности суда. Во-вторых, требование единого подхода судов в делах о недействительности сделок может поставить под сомнение зависимость действительности сделок лишь от каузы. Гражданский кодекс Республики Беларусь и Российской Федерации не содержит норм о каузе сделки и о юридической силе каузы и мотива. Отсутствие теоретических разработок, официально признаваемых Верховным судом Республики Беларусь или Высшим арбитражным судом РФ, приводит к отсутствию единой судебной практике и соответственно к нестабильности гражданского оборота и незащищенности его субъектов.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ГЛАВА 2. СООТНОШЕНИЕ УСЛОВИЙ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК ПО ГРАЖДАНСКОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ОСНОВАНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ КАУЗАЛЬНЫХ СДЕЛОК

2.1. Нормативно-правовое определение условий недействительности сделок

Попытки определения понятия недействительной сделки приводят к выводу, что ни теоретического, ни практического значения они не имеют [44;45]. Достаточно раскрыть сущность недействительности как антипода сделки, чтобы разграничить их и установить соответствующие последствия, вызываемые сделкой (действительной) и недействительной сделкой (правонарушением (многие цивилисты считают недействительную сделку правонарушением) [39].

При изучении проблемы недействительности сделок необходимо учитывать, что некоторые недействительные сделки могут быть признаны действительными. Тузов Д. О. пишет о том, что суть исцеления состоит в придании ничтожной сделке юридической силы с момента ее совершения (конвалидация) [47]. Допускается и своеобразная конвалидация оспоримой сделки – последствием этого является отпадение у подтвердившего сделку лица права на ее оспаривание.

Однако такое понимание сделки сталкивается с терминологией закона. Гражданский закон пользуется термином «сделка» для обозначения любого действия, направленного на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, независимо от того, производит ли это действие указанный эффект или нет. В противном случае закон говорил бы не о направленном действии, а о действии, непосредственно порождающем установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений. Свойством непосредственно порождать те правовые последствия, на которые направлена сделка, обладает только действительная сделка. Таким образом, категория недействительных сделок не противоречит буквальному содержанию статьи 154 ГК.

Современное гражданское право исходит из того, что не всякая договоренность и согласие между лицами могут приобрести силу правовых обязательств и соответствующих этим обязательствам прав требования, защищаемых принудительной силой государства. Такая защита предоставляется при условии, что лица, вступающие в договорные отношения, соблюдают требования, предписываемые правом.

Требования, которые предъявляет право к соглашениям, чтобы они стали защищаемым правом гражданско-правовых договоров, называют условиями действительности договора.

В каждой правовой системе есть некоторые специфические особенности правового регулирования вопросов действительности договора:

- 1) лица, участвующие в договоре, должны быть дееспособны и правоспособны;
- 2) условия договора не должны противоречить нормам объективного права;
- 3) волеизъявление, направленное на заключение договора, не должно содержать пороков воли, то есть должно соответствовать истинной воле сторон;
- 4) должна быть соблюдена требуемая законом форма;

5) в некоторых странах континентального права (Франция, Германия и, предполагается, Беларусь и Россия) договор должен иметь законное основание (causa);

б) в странах прецедентного права для возможности принудительной защиты нарушенного права, вытекающего из договора, кредитором должно быть предоставлено предусмотренное договором встречное удовлетворение (consideration).

Несоблюдение первых вышеуказанных условий действительности называются пороками сделки:

- 1) порок субъектного состава;
- 2) порок содержания сделки;
- 3) порок воли (волеизъявления);
- 4) порок формы.

Два последних основания недействительности сделок – наличие законного основания (каузы) и его реализация в каузальных сделках и встречное удовлетворение – не присутствуют в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации, хотя белорусскими и российскими учеными постоянно ведутся исследования имплементации норм о каузе в право Республики Беларуси и России и занимаются изучением встречного удовлетворения, его соотношения с уже существующими основаниями недействительности сделок (договоров). Пороки, касающиеся каузы, будут рассмотрены в разделе 2.2.

Несоответствие договора одному из указанных условий может повлечь недействительность договора в целом или только в части. Рассмотрим каждое из условий действительности договора в отдельности.

Итак, перечислим условия действительности сделки, т. е. условия, при отсутствии которых сделка не породит правовых последствий, соответствующих ее содержанию, а именно:

1. Сделка не противоречит нормам законодательства или другим нормативно-правовым актам – ст. 169 ГК определяет: «сделка, не соответствующая требованиям законодательства, ничтожна, если законодательный акт не устанавливает, что такая сделка оспорима или не предусматривает иных последствий нарушения». К порокам содержания (условий) сделки относится и частный случай сделок, не соответствующих законодательству, – сделки, запрещенные законодательством, т. е. имеется в законе прямой запрет на их совершение.

Цель недопущения реституции, предусмотренного ст. 170 ГК, состоит не в защите интересов добросовестного получателя (ибо полученное им по сделке имущество взыскивается в доход государства), а в имущественном наказании другой стороны, действовавшей недобросовестно. *Такая направленность нередко приводит к смешению двух близких, тесно связанных друг с другом, но все же различных мер: недопущения реституции и обращения полученного по сделке (или причитавшегося в возмещение полученного) в доход государства (конфискации).* По крайней мере применительно к теме недействительности сделок эти термины употребляются в литературе чаще всего как равнозначные. Под реституцией при недействительности сделок мы понимаем осуществление, в зависимости от обстоятельств каждого конкретного случая, одной стороной недействительной сделки против другой стороны того или иного гражданско-правового притязания, возникшего вследствие предоставления по такой сделке, в частности виндикации и кондикции.

Во-первых, если конфискация – это способ прекращения права собственности частного лица и возникновения права государственной собственности, то само по себе недопущение реституции – только лишение участника сделки реституционного притязания (точнее, просто невозникновение последнего, ибо лишение в данном случае производится в законодательном порядке). Сомнение вызывает возможность конфискации (обращения в доход Республики Беларусь) имущества, находящегося в республиканской государственной собственности. В современных условиях он, как представляется, нуждается в переосмыслении.

Во-вторых, если конфискация – это активная мера, предполагающая прямое выражение воли уполномоченным государственным органом, выступающим в процессе в качестве истца (или в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования), либо непосредственно судом в порядке абз. 2 п. 2 ст. 166 ГК, а также соответствующее судебное решение, то недопущение реституции – мера пассивная, действующая автоматически при выполнении гипотез ст. 170 ГК, без чьего-либо положительного на это волеизъявления. В-третьих, если конфискация вообще – это, как представляется, факультативная мера, применение которой зависит от наличия у государства интереса в изъятии соответствующего предмета (и в этом плане, как будет показано ниже, не должна составлять исключения и конфискация предмета недействительной сделки на основании ст. 170 ГК), то недопущение реституции – мера, применяемая независимо от чьего-либо интереса и усмотрения. Различие между рассматриваемыми мерами – по крайней мере на терминологическом уровне – проводилось довольно четко еще в ГК РСФСР 1922 г. Устанавливалось, что недобросовестная сторона (ст. ст. 149 и 150) или вообще ни одна из сторон (ст. 147) «не вправе требовать от другой возврата исполненного по договор» [48]. Этой формулой выражалось то, что мы называем недопущением реституции. Следующее же за этим указание «неосновательное обогащение взыскивается в доход государства» обозначало то, что мы именуем конфискацией. Поскольку, однако, обе эти меры в указанных нормах ГК 1922 г. шли рука об руку, в том смысле, что одна неизбежно, автоматически, предполагала другую, их различие стало постепенно затухать и в последующих кодификациях уже не получило отражения: так, действующий ГК (ст. 170 ГК) вообще ничего не говорит о явлении, обозначаемом термином «недопущение реституции» (понятие, оставшееся в настоящее время сугубо доктринальным), но только об обращении имущества в доход государства. Вместе с тем необходимость проводить отмеченное различие в современных условиях не только не отпала, но и сделалась, как будет показано ниже, даже более актуальной. Учитывая сказанное, обе меры далее будут рассматриваться раздельно как самостоятельные, хотя и тесно связанные друг с другом явления.

Насколько правомерно применение конфискационных мер в гражданских отношениях – отношениях, связанных с недействительностью сделки, остается спорным и дано на откуп когда-то советскому законодателю, который включил нормы о конфискации в Гражданский кодекс на основе понимания права социалистическим обществом – права, которое позволяло государству вмешиваться в дела гражданского общества.

2. Участники сделки в должной мере правосубъектны, т. е. обладают правоспособностью и необходимым для данной сделки объемом дееспособности (ст.172-178 ГК).

Как известно, правовое регулирование предполагает наличие определённых качеств у субъектов той или иной отрасли права. Поэтому в теории права выработалась такая категория, как правосубъектность. Как отмечает Кротов М. В., «правосубъектность определяет, какими качествами должны обладать субъекты правового регулирования для того, чтобы иметь права и нести обязанности в соответствующей отрасли права» [49, С. 43].

Правосубъектность носит абстрактный характер. То есть это обобщённая возможность правообладания, которая не может быть представлена в виде набора или комплекса отдельных субъективных прав. Не следует представлять правосубъектность и как постоянно изменяющуюся, динамическую категорию, зависящую от объёма конкретных прав и обязанностей, которыми наделён гражданин. Гражданская правосубъектность – это признаваемая в равной мере за всеми лицами максимально полная, суммарно выраженная возможность правообладания, абстрактный характер которой как раз и проявляется в её обобщающей характеристике.

Представления о гражданской правосубъектности связываются с наличием у лиц таких качеств, как правоспособность и дееспособность. При этом Братусь С.Н. признавал тождество гражданской правосубъектности с гражданской правоспособностью [50, С. 6].

Недействительными по неисполнению этого условия сделками являются:

– сделки, совершенные гражданами с выходом за пределы их дееспособности (малолетними и несовершеннолетними), ограниченными судом в дееспособности и признанными судом недееспособными:

– сделки, совершенные несовершеннолетними, не достигшими 14 лет (малолетними), ничтожны, за исключением сделок, которые они вправе совершать самостоятельно. Однако в интересах малолетнего совершенная им сделка может быть признана действительной, если она совершена к выгоде несовершеннолетнего, по требованию его законных представителей (ст. 173 ГК);

– сделки, совершенные несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет без согласия родителей, усыновителей или попечителя, в случаях, когда такое согласие требуется, могут быть признаны судом недействительными по иску родителей, усыновителей или попечителя (ст. 176 ГК);

– сделки по распоряжению имуществом, совершенные без согласия попечителя гражданином, ограниченным в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами или психотропными веществами, могут быть признаны судом недействительными по иску попечителя (ст. 178 ГК);

– ничтожны сделки, совершенные гражданином, признанным недееспособным вследствие психического расстройства. Каждая из сторон такой сделки обязана возвратить другой все полученное в натуре, а при невозможности возвратить полученное в натуре – возместить его стоимость в деньгах. Дееспособная сторона обязана, кроме того, возместить другой стороне понесенный ею реальный ущерб, если знала или должна была знать о недееспособности другой стороны (ст. 172 ГК).

А также сделки юридических лиц, совершенные с нарушением их специальной дееспособности – сделка, совершенная юридическим лицом в противоречии с целями его деятельности либо юридическим лицом, не имеющим лицензии на занятие соответствующей деятельностью, может быть признана судом недействительной по иску учредителей (участников) этого юридического лица или государственного органа, осуществляющего контроль или надзор за деятельностью юридического лица (ст. 174 ГК, ст. 184 ГК).

3. Воля участников сделки сформирована без постороннего воздействия, влияющего на её свободу. Воля и волеизъявление не противоречат друг другу, т. е. содержание внутренней воли передано посредством волеизъявления без каких-либо искажений.

В советской литературе среди ученых-цивилистов высказывались различные точки зрения по вопросу соотношения воли и волеизъявления. Одни авторы утверждали, что закон отдает предпочтение воле – «при расхождении между волей и волеизъявлением (если же воля распознаваема, и сделка вообще может быть признана состоявшейся) предпочтение должно быть отдано воле, а не волеизъявлению» [51, С. 7]. Другие авторы утверждали, что предпочтение законом отдается волеизъявлению – сделка есть «действие и поэтому, как правило, юридические последствия связываются именно с волеизъявлением. Благодаря чему и достигается устойчивость сделок и гражданского оборота в целом [52, С. 8].

В юридической литературе преобладает третья позиция – о единстве и равнозначности воли и волеизъявления. В частности, О. С. Иоффе отмечает, что закон не отдает предпочтения ни внутренней воле, ни волеизъявлению, а исходит из их единства [53, С. 67].

Недействительными являются сделки, в которых волеизъявление участников не соответствует их подлинной воле. Участник сделки может оспорить ее действительность, ссылаясь на несоответствие его воли волеизъявлению. Сюда относятся сделки, совершенные:

- под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение (ст. 179 ГК);
- под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или вследствие стечения тяжелых обстоятельств (кабальная сделка) (ст. 180 ГК);
- сделка, совершенная гражданином, не способным понимать значение своих действий и руководить ими (ст. 177);
- а также мнимые и притворные сделки (ст. 171 ГК).

Мнимая сделка – это сделка, совершаемая лишь формально, на бумаге, когда стороны на самом деле не желают наступления тех правовых последствий, которые характерны для сделок данного типа. Однако это не означает, что мнимая сделка совершается вообще без какой-либо цели: зачастую с помощью оформления такой сделки ее участники (или один из участников) рассчитывают добиться определенного противоправного результата. Поэтому мнимая сделка, как и притворная, содержит скорее не порок воли, а волеизъявления [54, С. 64].

Типичный пример мнимой сделки – продажа или дарение собственником своего имущества с целью избежать его изъятия за долги или конфискации в пользу государства. В данном случае собственник не желает реального перехо-

да имущества во владение другого лица, а преследует незаконную цель – избежать ответственности.

При рассмотрении подобных дел суд акцентирует свое внимание на вопросе о том, было ли реальное исполнение сделки. В частности, если подан иск о признании мнимым договора дарения квартиры, суд устанавливает, произошел ли фактический переход квартиры во владение одаряемого, продолжает ли прежний собственник проживать по данному адресу, переоформил ли одаряемый на свое имя договоры на услуги ЖКХ, несет ли он расходы по оплате таких услуг и налога на имущество и т. п.

Сделка, совершенная под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение, может быть признана судом недействительной по иску стороны, действовавшей под влиянием заблуждения. Существенное значение имеет заблуждение относительно природы сделки, тождества или таких качеств ее предмета, которые значительно снижают возможности его использования по назначению. Заблуждение относительно мотивов сделки не имеет существенного значения.

Сделка, совершенная под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или вследствие стечения тяжелых обстоятельств, может быть признана недействительной по иску потерпевшего.

Обман – умышленное введение участником сделки другого участника этой сделки в заблуждение. Оно имеет значение для потерпевшего от обмана, так как создает у него неправильное представление о самой сделке, ее предмете, его качестве, стоимости, пригодности для использования по назначению и т. д. Обман может осуществляться как активными действиями, так и пассивным поведением, например, несообщением фактов, имеющих значение для заключения сделки. Обман может осуществляться также и действиями третьих лиц.

Насилие – противоправное умышленное физическое либо психическое воздействие на психику будущего участника сделки с целью понудить его заключить сделку. Насилие может быть направлено не только против будущего участника сделки, но также против близких ему лиц.

Угроза – умышленное противоправное психическое воздействие на волю предполагаемого участника сделки с целью понудить его вступить в сделку путем сообщения о причинении в будущем самому угрожаемому или его близким физических или моральных страданий. Для того чтобы угроза служила основанием для признания сделки недействительной, она должна быть осуществимой, реальной, значительной, противоправной.

Злонамеренное соглашение представителя одной стороны с другой стороной – это сговор о заключении сделки представителя с лицом, с которым он заключает сделку от имени представляемого, с целью получения какой-либо выгоды либо причинения ущерба представляемому.

Сделка, совершенная вследствие стечения тяжелых обстоятельств на крайне невыгодных для себя условиях (кабальная сделка). Для признания ее таковой, помимо указанных двух обстоятельств (стечение тяжелых обстоятельств, крайне невыгодные условия), необходимо также, чтобы другая сторона воспользовалась этими обстоятельствами для заключения сделки в своих интересах. Особенностью данной сделки является то, что, хотя тяжелые обстоя-

ства для потерпевшей стороны в кабальной сделке складываются независимо от каких-либо активных действий ее контрагента, последний осведомлен о них и осознанно пользуется сложившейся ситуацией для заключения выгодной для себя и крайне невыгодной для первой стороны сделки, т. е. действует с умыслом.

В сфере предпринимательской деятельности считается, что кабальных сделок нет.

Сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находящимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законодательством интересы нарушены в результате ее совершения (ст. 177 ГК).

4. Волеизъявление выражено участниками в требуемой законом или соглашением форме. Другими словами, сделка порождает права и обязанности при условии соблюдения её формы. Результатом же недействительности сделки будет наступление отрицательных последствий. Как отмечал Новицкий И. Б., в принципе, не бывает сделок, лишённых всякой формы [55, С. 56]. Очевидно, что форма как средство или способ выражения воли присуща каждой сделке. Однако в одних случаях стороны, совершающие сделку, свободны и ничем не ограничены в выборе способов выражения своей воли. Они могут избрать форму сделки по своему усмотрению, если законом никаких ограничений на это не предусмотрено. В других случаях закон (или соглашение контрагентов) предъявляет прямое требование соблюдения конкретной формы сделки либо исключает возможность определённых способов выражения воли.

6. Учение об основании обязательства, детально разработанное в праве и доктрине права изучаемых стран континентальной Европы, не известно праву Англии и США. Это объясняется особой правовой конструкцией договора как обещания, снабженного исковой защитой. Первоначально исковую защиту могли найти обещания, облаченные в строгую форму договора «за печатью».

Вопрос о действительности такого обещания не возникал, а для обоснования исковых требований было достаточно представления суду надлежаще оформленного обещания. Однако в реальной жизни возникало огромное число случаев, когда обещанное, не будучи оформленным в виде акта «за печатью», не исполнялось. Люди искали справедливости в суде, где сразу же возникал вопрос к истцу: если нет формального договора, то на чем покоится требование, что лежит в основании иска? Даже доказав, что ответчик действительно обещал истцу что-то сделать или дать, истец не мог рассчитывать на принудительное исполнение обещанного в силу отсутствия надлежащей формы. Требование и соответствующее ему обещание становились лишёнными исковой защиты. Вопрос о действительности такого обещания судом даже не обсуждался. Развивающиеся потребности гражданского и торгового оборота требовали иного решения вопроса, и в судебной практике постепенно в течение длительного времени была разработана новая для английского права **доктрина встречного удовлетворения (consideration)**, которая развивается и уточняется по сей день.

Доктрина встречного удовлетворения дает ответ на главный вопрос, который встает перед судами: должно ли право защищать то или иное обещание,

придавать ему силу или нет? В английском законодательстве отсутствует легальное определение термина «встречное удовлетворение». В судебной практике существуют многочисленные определения этой правовой категории, но наиболее известным и часто используемым является определение встречного удовлетворения, данное в решении по делу *Currie v. Miza* 1875, в соответствии с которым надлежащее встречное удовлетворение может представлять из себя право, выгоду или благо, полученные одной стороной, или ограничения в праве, убыток или ущерб или ответственность, взятые на себя другой стороной [56, С. 563]. Иными словами, встречное удовлетворение представляет собой «прибыль на стороне кредитора» или «ущерб на стороне должника», которые могут быть как в телесной (деньги, товары и т. д.), так и в бестелесной форме (взятое на себя обязательство, отказ от права и т. д.).

Идея доктрины встречного удовлетворения заключается в том, что лицо, давая обещание, возлагает на себя правовое обязательство в обмен на что-то, исходящее от кредитора и представляющее для должника некую ценность, то есть обещание дается и право требования предоставляется на возмездной основе.

Идея возмездности в доктрине встречного удовлетворения не совпадает с представлением о возмездности в договорном праве стран континентальной Европы. Так, по безвозмездному с точки зрения континентального права договору денежного займа, займополучатель, получивший займы некую денежную сумму, дает обещание заимодателю заплатить определенную денежную сумму (по существу, вернуть долг без начисления процентов за пользование деньгами). Однако требование кредитора о возврате долга, основываясь на встречном удовлетворении, предоставленном должнику после того, как он принял на себя обязательство заплатить (вернуть долг), заключается в том, что кредитор на время займа испытывал ущерб в праве пользоваться и распоряжаться своими деньгами.

Для того чтобы права кредитора по договору могли быть защищены в исковом порядке, предоставленное им встречное удовлетворение должно быть надлежащим. Требования, которым должно отвечать встречное удовлетворение, выработаны практически необозримой и зачастую противоречивой судебной практикой. Встречное удовлетворение должно быть действительным. Понятие «действительное», по мнению английских юристов, является весьма сложным, неоднозначным и включает в себя целый ряд критериев.

1. Встречное удовлетворение должно обязательно вытекать из данного конкретного договора. Это означает, что: а) определенное (или определяемое указанным способом) встречное удовлетворение должно быть прямо указано в договоре; б) также в договоре должно содержаться указание на то, что конкретные взаимные обязательства сторон являются их встречным удовлетворением по данному договору, а не описанием, например, отношений или ситуации, сложившейся между контрагентами на момент заключения договора; в) встречное удовлетворение должно быть логически связано со смыслом договора в целом (не должно, например, противоречить его содержанию).

2. Встречное удовлетворение должно иметь, с точки зрения права, определенную ценность. В судебной практике ценным признается встречное удовле-

творение, если оно является либо благом или выгодой для должника; либо обременением или ущербом для кредитора. Не являются ценным встречным удовлетворением обязательства морально-этического характера, равно как и чувства (любовь, привязанность, дружба).

3. Являясь ценным для сторон, встречное удовлетворение может не быть эквивалентным. Вопрос эквивалентности вообще не рассматривается судами, ценность встречного удовлетворения, его соответствие принимаемому обязательству должны определяться самими сторонами в момент заключения договора. Правом Англии признаются действительными так называемые «кабальные» сделки, но явная неэквивалентность встречного удовлетворения может давать основание для постановки вопроса об обмане или умышленном введении в заблуждение и признании недействительности сделки в связи с пороком воли, но не в связи с явной неэквивалентностью встречного удовлетворения.

4. Встречное удовлетворение не должно быть условием. Понимание этого весьма тонкого юридического различия очень важно, и его можно увидеть на следующем примере. Допустим, лицо В. дает лицу А. обещание заплатить следующего содержания: «В случае, если ты сломаешь ногу (то есть произойдет несчастный случай), я дам тебе 500 ф. ст.». Такое обещание не является договором, а представляет собой простое безвозмездное обещание заплатить под отлагательным условием и не содержит никаких указаний на действие, которое должен был бы совершить кредитор в обмен на обещание заплатить. Обещание купить костюм лицу А., если это лицо пойдет с обещающим в магазин, является не условным обязательством, а договором, в котором встречным удовлетворением будет совершение кредитором требуемого действия – сходить с обещающим в магазин.

5. Встречное удовлетворение должно быть законным. Незаконным с точки зрения английского права признается встречное удовлетворение: а) предусматривающее совершение деликта или преступления; б) цели которого противоречат общественному порядку и общепризнанным нормам морали; в) противоречащее нормам статутного права.

6. Встречное удовлетворение, предоставляемое контрагентами друг другу, должно составлять одну единую сделку.

7. Встречное удовлетворение должно исходить от лица, которому дается обещание, то есть от кредитора. Поэтому не имеет права на иск лицо, в пользу которого было обещано действие. Договоры в пользу третьего лица не могут быть принудительно осуществлены.

8. Встречное удовлетворение не должно быть в прошлом (*past consideration*), то есть действие, которое могло бы быть встречным удовлетворением, должно быть совершено кредитором не в прошлом, а после того, как ему было дано обещание.

Как видим, правовые явления «*consideration*» и «*causa*», несмотря на то, что их развитие происходило в различных системах права и, следовательно, и значение придавалось им различное, близки по своему значению и помогают в итоге понять суть друг друга. Схожие институты «*consideration*» и «*causa*» поэтому и схожи в основаниях недействительности сделок (договоров) и вытека-

ЮЩИХ ИЗ НИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

2.2. Классификация оснований недействительности каузальных сделок

Существует классическая формула: если хотите узнать предмет договора, спросите, что должен, а если хотите узнать основание, спросите, почему должен. Рассмотрим нормы о каузе, закрепленные в гражданском законодательстве европейских государств, поскольку данные нормы отсутствуют в законодательстве Республики Беларусь и России. Статья 1108 Французского Гражданского кодекса (далее – ФГК) [56, С. 563] причисляет основание к существенным условиям действительности договора, следовательно, от ответа на вопрос «почему должен?» зависит действительность обязательства. Однако на этот вопрос может быть дано множество различных ответов, поскольку, вступая в договорные отношения, стороны ставят перед собой разные задачи экономического, личного, коммерческого, финансового, бытового, юридического и иного характера, стремятся достичь различных целей, руководствуясь при этом различными соображениями. Покупатель жилого дома нуждается в жилье, бизнесмен хочет вложить деньги в недвижимость, спасая их от инфляции, заказчице требуется новое платье, чтобы пойти в гости, фирма хочет, чтобы для нее провели исследования в определенной области, и т. д.

У всех этих лиц возникает одинаковое по своей природе обязательство – они должны заплатить, и всем им можно задать один и тот же вопрос: почему они приняли на себя это обязательство, какова цель сделки (договора)? Кауза, будучи ближайшей правовой целью (*causa proxima*), отвечает на вопрос: почему должник обязан? Покупатель обязан заплатить потому, что он хочет получить право собственности на приобретаемое имущество. Только получив право собственности, то есть достигнув ближайшей правовой цели, покупатель может поселиться и жить в таком доме, как в своем собственном, сдавать его внаем, подарить его, заложить в обеспечение исполнения какого-либо обязательства, разрушить и на его месте построить новый дом или иное сооружение или распорядиться иным способом. Заказчица обязана заплатить портному потому, что желает получить право собственности на результат его труда, а затем уже извлекать полезные свойства из полученной таким образом вещи.

Анализ показывает, что покупатель принимает на себя обязательство заплатить покупную цену, желая достичь ближайшей правовой цели – получить право собственности на покупаемую вещь, перенесение которого на покупателя является обязанностью продавца. В свою очередь, продавец, принимая на себя обязательство передать право собственности покупателю, стремится достичь ближайшей правовой цели – стать собственником денежных знаков, получаемых в уплату покупной цены. Аналогичный вывод следует из анализа любого другого двустороннего договора. **В двусторонних договорах основанием обязательства является встречная обязанность другой стороны – *causa credendi*, в односторонних обязательствах – или в намерении совершить одарить, безвозмездные предоставления (*causa donandi*), или в прекращении правоотношения (*causa solvendi*) в односторонних возмездных договорах (хранение, заем) (должник преследует правовую цель – вернуть ранее полученное).**

Помимо того, что в соответствии со ст. 1108 ФГК обязательство должно иметь основание (каузу – ближайшую правовую цель), обязательства (в данном контек-

сте имеется в виду кауза сделки), не имеющие основания, или имеющие ложное основание, или недозволенное основание недействительны (ст. 1131 ФГК).

1. **Ложное основание** имеет место тогда, **когда вещь**, по поводу которой заключен договор, к моменту его совершения **исчезает** в результате пожара и т. п., но стороны об этом не знают и добросовестно заблуждаются.

2. **Основание отсутствует, когда имеет место насилие или иное принуждение** к заключению того или иного договора. Могут быть письменные доказательства существования договора, но обязательства из такого договора не могут получить силы, поскольку *отсутствует основание договора* – сторона, в отношении которой применено насилие или принуждение не имела цели достигнуть определенный правовой результат. К поэтому основанию признаются недействительными лишь каузальные, но не абстрактные сделки.

3. **Недозволенное (незаконное) основание** определено в ст. 1133 ФГК как запрещенное законом, противное добрым нравам и публичному порядку (например, обязательство заплатить за совершение деликта). Аналогичная норма существует в ГК РФ (ст. 169 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности»), но отсутствует в Гражданском кодексе Республики Беларусь. Однако и право Беларуси не допускает заключать сделку по оплате деликта.

Вместе с тем в ст. 1132 ФГК устанавливается, что обязательство **является действительным, если основание в нем не выражено**. Из этого следует вывод, что **ФГК признает возможность существования абстрактного обязательства**.

Практическое значение учения об основании заключается в ограничении полномочий суда по проверке обязательств. Мотив для действительности обязательства в праве Франции не имеет практического значения, **за исключением случаев преступного мотива, известного сторонам**. Из содержания каузального обязательства основание всегда усматривается. ФГК исходит из того, что все гражданско-правовые обязательства являются каузальными. Сложности возникают в случае, если обязательство сформулировано таким образом, что цель из зафиксированного текста обязательства установить невозможно. Чаще всего это происходит в практике торгового оборота при оформлении расписок, чеков, векселей. Юридическим основанием для признания действительности таких обязательств является ст. 1132 ФГК. Судебная практика после некоторых колебаний уже давно придерживается принципа, что расписка, чек, вексель и другой документ, подписанный обязанным лицом, сами по себе являются достаточным доказательством существования основания. Должник, желающий освободиться от ответственности по такому обязательству, должен доказывать отсутствие, ложность или недозволенность основания. Более поздние европейские кодификации не содержат уже столь детального регулирования вопросов, связанных с основанием обязательства.

К моменту введения в действие Германского Гражданского уложения (ГГУ) и Швейцарского Обязательственного закона (ШОЗ) абстрактные обязательства уже были приняты торговым оборотом, чрезвычайно широко применялись [56, С. 566]. Это нашло свое отражение в содержании норм, регулирующих действительность договорных обязательств. § 780 и § 781 ГГУ в качестве

общего принципа устанавливают, что договор, по которому исполнение обещано таким образом, что его следует рассматривать как договор о принятии на себя обязательства или признании долга (расписки), действителен только при совершении такого договора в письменной форме, если законодательством не установлено иное. Это означает, что лицо, подписавшее документ и желающее освободиться от ответственности, должно доказывать наличие предусмотренного законом основания для признания обязательства, вытекающего из такого документа, недействительным.

Мотив как элемент каузального договора не имеет для его действительности особого значения в германском, как белорусском и российском праве. Однако по германскому праву если мотив становится элементом волеизъявления и по своему содержанию противоречит добрым нравам, то договор в целом может быть признан недействительным по этому основанию.

Вместе с тем стороны по соглашению могут придать мотиву правовое значение. В этом случае мотив становится условием – элементом содержания сделок, совершенных под условием. При признании сделки недействительной, как совершенной под влиянием обмана, правовое значение имеют мотивы, влияющие на формирование воли обманутого по такой сделке.

Рассмотрим, каковы правовые последствия для сделки из-за **отсутствия или недействительности основания, возникшего в результате совершения обязательства.**

Для выяснения характера и степени влияния **дефекта основания обязательства** на юридическую судьбу сделки рассмотрим те дефекты основания, которые были выявлены Е. Годэмэ [14, С. 367].

1. Ложное основание

Стороны думали, что основание существует. Оказывается, что его нет. Имеется заблуждение в основании. Так, в обязательстве покупателя дома имеется ложное основание, если дом (индивидуально-определенная вещь) сгорел, а стороны об этом во время продажи не знали. Учитывая, что основания обязательства покупателя не существует, он не обязан передавать покупную сумму.

2. Отсутствие основания

2.1. Лицо, **вследствие насилия или шантажа**, подписывает расписку, признающую заем, которого в действительности не было. Основание обязательства заемщика отсутствует, поэтому обязательство из договора займа не может считаться возникшим. В данном примере договор займа является недействительным по п. 1 ст. 180 ГК;

2.2. Вследствие любезности, одно лицо выдает лицу вексель, который потом учитывается в банке. Основание обязательства между векселедателем и первым приобретателем такого векселя отсутствует. Однако **сделка** по выпуску векселя является **абстрактной**. Поэтому при соблюдении формы векселя является действительной;

2.3. Обещание дано ввиду предоставления будущей **вещи, которая не появилась**: продажа будущего урожая, который погиб. В данном примере сделка является действительной. Если из содержания непосредственно вытекает, что его предметом является индивидуально-определенный урожай, который предполагается вырастить на определенной земле, то обоснован вывод *об отсут-*

ствии основания обязательства покупателя, которое не возникает. Однако сделка купли-продажи урожая является действительной.

3. Отпадение основания

Имущественный наем кончается вследствие гибели вещи. В случае найма обязательство нанимателя возникает последовательно по мере пользования вещью. Это пользование устанавливает для обязательства нанимателя **последовательное основание**. Поэтому, если вещь погибает, основание пропадает, и обязательство нанимателя отпадает с этого времени. В данном примере договор аренды полностью соответствует законодательству и является действительным, однако он не подлежит исполнению после гибели индивидуально-определенной вещи ввиду прекращения обязательства.

4. Недостаточность основания

К случаю отсутствия основания близок случай его недостаточности. Например, речь может идти о расписке, составленной ввиду долга, возникшего из игры. В данном случае сделка, заключенная в результате игры, является действительной, порождаемое ее обязательство следует считать возникшим, однако лишенной судебной защиты (**натуральное обязательство**) (п.1. ст. 1062 ГК РФ). По смыслу ГК РФ под понятие «натуральное обязательство» принято подводить (в основном) обязательства из сделок игр, пари и обязательства, по которым пропущена давность для предъявления иска.

5. Недозволенное (незаконное) основание. Сделки, заключенные в данном случае, могут быть недействительными только при наличии в законодательстве соответствующего состава недействительных сделок. Например, представительство с нарушением требований п. 3 ст. 183 ГК или осуществление лицензируемого вида деятельности без лицензии (недействительность по ст. 170 ГК).

Таким образом, рассмотренные выше примеры позволяют сделать вывод, что дефекты основания обязательства по-разному влияют на сделку, в результате которой оно возникло. Почти во всех разобранных выше случаях сделка будет действительной. При этом недействительность такой сделки – лишь частный случай, **возможность признания сделки недействительной зависит не от характера дефекта основания обязательства, а от наличия в законодательстве соответствующего случаю состава недействительных сделок** [33, С. 109].

В некоторых случаях, прямо указанных в законе, отсутствие или недозволенность основания обязательства может привести к недействительности сделки. Например, такие последствия наступают заключения на территории Республики Беларусь купли-продажи иностранной валюты, минуя уполномоченные банки (ч. 1 ст. 11 Закона Республики Беларусь от 29 июня 2006 г. «О валютном регулировании и валютном контроле») [57].

Применительно к обязательству дефект его основания может привести к одному из следующих правовых последствий:

– обязательство либо вообще **не возникает** (например, обязательство заемщика при безденежности займа);

– либо **прекращается ввиду отпадения основания** (например, обязательство нанимателя ввиду гибели нанятой вещи).

В связи с изложенным представляется возможным **не согласиться** с мнением тех исследователей, которые полагают, что **отсутствие, отпадение или незаконность основания обязательства всегда приводят к недействительности каузальных сделок**. Последнее невозможно уже потому, что *основание обязательства не является элементом сделки и поэтому не всегда может оказывать на него такое разрушительное воздействие*.

Предположим, что указанные выше исследователи *имели в виду не основание обязательства, а цель сделки*. В этом случае также необходимо признать, что **недостижение цели сделки никак не влияет на ее действительность**. Например, стороны заключили договор купли-продажи пианино, однако он не был исполнен *по вине продавца*. В данном примере сделка купли-продажи действительна, однако ее цель (передача права собственности) не достигнута.

На основании вышеизложенного допустимо сделать вывод, что существующая в правовой литературе общепризнанная точка зрения о том, что **правовым последствием отсутствия или незаконности основания обязательства является недействительность каузальной сделки, является абсолютно необоснованной вне зависимости от взглядов автора на понятие «кауза»**. Отсутствие, отпадение или недействительность основания порожденного ее обязательства никак не влияет на действительность или недействительность самой каузальной сделки [33, С. 110].

Из вышеизложенного видно, что основания недействительности каузальной сделки частично совпадают с основаниями недействительности каузального обязательства, а именно: ложность каузы, отсутствие каузы (в отношении каузы обязательств это только случаи порока воли), незаконность каузы. В отношении каузальных сделок добавляются еще такие основания недействительности, как недостижимость каузы и незаконность цели (фактической) сделки. Последнее основание недействительности каузальных сделок находится в определенном противоречии с классической каузальной теорией, однако закреплено прямо в законодательстве ряда стран континентальной Европы и России, в Беларуси – не в Гражданском кодексе (не в разделе о недействительных сделках, а в разделе о международном частном праве) и Законе о банкротстве.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

2.3. Соотношение условий недействительности сделок по Гражданскому кодексу Республики Беларусь и основаниям недействительности каузальных сделок

Посредством основания (каузы) сделки возможным представляется достигнуть фактической цели сделки. Например, договор купли-продажи, основанием которого является передача вещи покупателю в собственность в обмен на деньги, позволяет покупателю распоряжаться приобретенной вещью. Но, в отличие от основания, **цель сделки** не является типовым юридическим результатом, однако она должна быть **законной**. В статье 109 Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» затрагивается эта тема: сделка должника-банкрота признаётся недействительной, если она была совершена с целью умышленного нанесения вреда интересам кредиторов, т. е. берется в расчет фактическая цель сделки – избежать обращения взыскания на имущество должника-банкрота, преимущественное удовлетворение требований одних кредиторов в ущерб интересам остальных и др.

В законодательстве не существует чётких правил по определению сделки, недействительной в силу **незаконности каузы**. Это осложняет рассмотрение в судах дел о недействительности по этому основанию. Есть сложность в применении статьей 169 и 170 ГК. Статья 169 ГК предусматривает недействительность сделок, не соответствующих законодательству, с применением последствий, предусмотренных ст. 168 ГК. В то время как ст. 170 ГК предусматривает недействительность сделок, запрещенных законодательством, с применением таких последствий, как недопущение реституции (обращение в доход государства (конфискация)) и односторонняя реституция. Суды в Беларуси из-за последствий применяют статью 169 ГК – она шире: сделки, не соответствующие законодательству, включают в себя и сделки, запрещенные законодательством. Однако кассационная инстанция по ряду таких дел отменяет решение суда первой инстанции и квалифицирует сделку по статье 170 ГК. При этом статья 170 ГК применяется лишь тогда, когда иные последствия не предусмотрены законодательством и не только гражданским, но и административным, уголовным и др.

Правило, установленное статьей 169 ГК, применяется ко всем сделкам, не соответствующим требованиям законодательства, за исключением случаев, когда для сделок установлены специальные правила.

Так, по иску инспекции Государственного налогового комитета хозяйственный суд установил факт ничтожности сделки между индивидуальным предпринимателем и ЗАО "М" на том основании, что ЗАО "М" на момент заключения договора не значилось в Реестре государственной регистрации субъектов хозяйствования Республики Беларусь. В решении суд указал, что поскольку сделка заключена юридическим лицом, не обладающим гражданской правоспособностью, она не соответствует требованиям законодательства и является согласно статье 169 ГК ничтожной [58].

Хозяйственный суд, руководствуясь статьей 170 ГК, удовлетворил иск управления Государственного комитета финансовых расследований о признании недействительной сделки между колхозом "П" и ЗАО "С", поскольку сведений о ЗАО "С" в Реестре государственной регистрации не содержалось [58].

В решении приведена ссылка на статью 25 утратившего на сегодняшний день силу Закона «О предприятиях в Республике Беларусь» и п. 5 действовавшего на тот момент Положения о государственной регистрации и ликвидации (прекраще-

нии деятельности) субъектов хозяйствования, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 16.03.1999 N 11 (в редакции Декрета Президента Республики Беларусь от 16.11.2000 N 22), которыми запрещена деятельность субъектов хозяйствования без государственной регистрации. Руководствуясь этими нормативными правовыми актами, хозяйственный суд пришел к выводу, что совершение сделок от имени незарегистрированного субъекта хозяйствования, как разновидность хозяйственной деятельности, запрещено законодательством.

Учитывая изложенное, в данном случае подлежало рассмотрению требование об установлении факта ничтожности сделки.

Представляется правильным применение статьи 170 ГК при установлении факта ничтожности сделки, совершенной незарегистрированным в установленном порядке субъектом хозяйствования. Из смысла данной статьи следует, что совершение сделок запрещается законом, поскольку они направлены в ущерб государству. Кроме того, следует учитывать, что запрет в законе на совершение сделок может быть как прямым, так и вытекать из незаконных действий сторон.

Законодательством запрещена деятельность субъектов хозяйствования без государственной регистрации, в том числе и совершение ими сделок, поэтому такие сделки следует расценивать как запрещенные законом и противоречащие интересам государства (сейчас прямого запрета не существует в белорусском законодательстве).

Основание недостижимо в сделках:

- сделки, совершенные гражданином, признанным недееспособным (ст. 172 ГК);
- сделки, совершенные несовершеннолетним, не достигшим 14 лет (ст. 173 ГК);
- сделки юридического лица, выходящие за пределы его правоспособности, т. е. в противоречии с целями его деятельности, либо юридическим лицом, не имеющим специального разрешения (лицензии) на занятие соответствующей деятельностью (ст. 174 ГК);
- сделки, совершенные органом юридического лица, полномочия которого на совершение сделки ограничены его учредительными документами по сравнению с тем, как они определены в доверенности, в законодательстве либо как они могут считаться очевидными из обстановки, в которой совершается сделка, и при ее совершении орган вышел за пределы этих ограничений (ст. 175 ГК);
- сделки, совершенные несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 176 ГК);
- сделки, совершенные гражданином, ограниченным судом в дееспособности (ст. 178 ГК);
- сделка, совершенная представителем от имени представляемого в отношении себя лично (ч.3 ст. 183ГК);
- заключение сделки неуполномоченным лицом (ст. 184 ГК).

Недостижимость юридической цели сделки означает неспособность физических и юридических лиц, совершающих ее, к участию в сделке. Например, несовершеннолетний до 14-ти лет не может купить машину, а гражданин не может продать вещь, которая ему не принадлежит. Подобные сделки являются недействительными по основанию недостижимости каузы сделки.

Отсутствие каузы сделки – это еще одно основание недействительности сделки, т. к. каузальные сделки настолько зависят от основания, что их действительность определяется его (основания) наличием. К примеру, гражданин не

имеет права требовать оплаты товара, который он сам не поставил (платить не за что). В силу этого реальные сделки не могут быть недействительными по основанию отсутствия каузы, так как они считаются заключенными с начала исполнения обязательств, т. е. кауза возникает с момента начала исполнения сделки.

Если гражданин оформляет договор дарения квартиры в целях сокрытия ее от взыскания суда, то такая сделка считается мнимой и, следовательно, ничтожной (ст. 171 ГК). Основание сделки отсутствует, т. к. предполагаемый юридический результат не соответствует реальному. Так, мнимая сделка – это сделка, которая не имеет основания.

Притворная сделка – сделка, совершенная с целью прикрыть другую сделку. Так как притворная сделка не имеет своего основания, то она является ничтожной (ст. 171 ГК). К сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа сделки, применяются относящиеся к ней правила. Например, стороны заключили договор дарения, по которому фактически одной стороной уплачена денежная сумма. Такая сделка является ничтожной, а отношения сторон должны были бы регулироваться нормами, применимыми к договору купли-продажи.

Также бывают случаи, когда сделка заключается под влиянием заблуждения, обмана, насилия, шантажа, угрозы и т. д. В таких случаях лицо, заключившее сделку, на самом деле не имело мотива для заключения данной сделки, а, следовательно, и цели. Эти сделки недействительны по основанию отсутствия цели сделки. В соответствии с п. 1 ст. 177 ГК сделка, совершенная гражданином, находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате ее совершения. Например, недействительным по данному основанию может быть признано завещание, по которому умирающий в муках человек все свое имущество передает в пользу сотрудника больницы, ухаживающего за ним.

Таким образом, основания недействительности сделок (порок формы, порок субъектного состава, порок воли, порок содержания) можно разделить на четыре группы оснований недействительности каузальных сделок: незаконность каузы) сделки, отсутствие цели (каузы) сделки, отпадение цели (каузы) сделки, недостижимость цели (каузы) сделки.

Исходя из того, что каузальность сделок презюмируется и в силу этого преобладающее большинство сделок – каузальные, основания недействительности сделок (порок формы, порок субъектного состава, порок воли, порок содержания) можно разбить на пять групп оснований недействительности каузальных сделок (см. Таблицу 1). Соотнесение условий недействительности сделок по Гражданскому кодексу Республики Беларусь и основаниям недействительности каузальных сделок):

- 1) отсутствие каузы сделки;
- 2) незаконность каузы сделки;
- 3) недостижимость каузы сделки;
- 4) незаконность цели (фактической) сделки.

1. Так, сделки с пороком воли и с пороком формы можно отнести к недействительным сделкам по такому основанию, как отсутствия каузы.

1.1. Как было упомянуто ранее, важным условием действительности сделки является выражение волеизъявления в требуемой законом или соглашением

форме. Часть 3 пункта 1 статьи 161 ГК предусматривает, что законодательством и соглашением сторон могут устанавливаться дополнительные требования, которым должна соответствовать форма сделки (совершение на бланке определенной формы, скрепление печатью и др.) и предусматриваться последствия несоблюдения этих требований. Если такие последствия не предусмотрены, применяются последствия несоблюдения простой письменной формы сделки. Так, в случаях, прямо указанных законодательными актами или в соглашении сторон, несоблюдение простой письменной формы сделки влечет ее недействительность (п. 2 ст. 163 ГК). Несоблюдение простой письменной формы внешнеэкономической сделки влечет недействительность сделки. (п. 3 ст. 163). Сделка не порождает права и обязанности при несоблюдении её формы, следовательно, не содержит каузы. Таким образом, в сделках с пороком формы кауза отсутствует. Для отдельных видов сделок также существуют конкретные требования к форме сделки. Это относится к оформлению договора аренды (ст. 580 ГК), продажи предприятия (ст. 531 ГК), продажи недвижимости (ст. 521 ГК) и др.

1.2. Также к недействительным по основанию **отсутствия каузы можно отнести мнимые и притворные сделки** (ст. 171 ГК) – **сделки с проком волеизъявления**. Мнимые сделки не содержат основания, т. к. они заключаются исключительно для создания видимости возникновения юридических последствий, но фактически их не вызывают. Притворные сделки заключаются для того, чтобы скрыть факт возникновения одних юридических последствий другими. При этом кауза сделки, которую прикрывает притворная сделка, существует. Эти сделки не имеют юридической целью получение обозначенного юридического результата.

1.3. К недействительным сделкам по отсутствию каузы относятся **сделки и с пороком воли**:

– недействительные сделки, совершенные гражданином, не способным понимать значение своих действий и руководить ими (ст. 177 ГК);

– недействительные сделки, совершенные под влиянием заблуждения (ст. 179 ГК);

– недействительные сделки, совершенные под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или вследствие стечения тяжелых обстоятельств (ст. 180 ГК).

Сделки с пороком воли не содержат цели, так как воля лежит в основе целенаправленного действия, т. е. сделки. Н. В. Рабинович пишет: «Сделка есть волевое действие. Для действительности сделки, для самого её существования необходимо и наличие воли, и проявление этой воли вовне. Без воли не может быть сделки, ибо воля составляет самое существо сделки» [51, С. 43.]

Таким образом, сделка, являясь юридическим действием, в своей начальной точке развития – воля лица. При этом под пороком воли необходимо понимать отклонения, возникающие в процессе формирования и изъявления воли. Указанные отклонения вызываются ошибочной посылкой. В конечном итоге важно, как эта посылка была воспринята лицом; это имеет значение для установления факта порочности воли. А уже потом имеет значение причина: произошла ли ошибка в силу свойств субъекта (например, заблуждение) либо действий третьих лиц (например, обман). Зародившаяся в процессе формирования и изъявления воли ошибка отражается на цели, которую надеется достигнуть обманутый, и, как следствие, имеющийся юридический результат отличается от то-

го, который на самом деле стремилось достигнуть лицо. Реальная цель отсутствует по причине того, что её формированию помешали посторонние обстоятельства (такие, как обман, насилие, кабальная сделка и т. д.). Но для классификации недействительной сделки и применения её последствий значение будет иметь второе обстоятельство - причина ошибочного восприятия. Психологическая природа воли, а, следовательно, её субъективный характер не делают волю тем объектом, который находится вне поля правового регулирования. Воля не является лишь объектом теоретических изысканий [59].

2. Сделки, совершение которых запрещено либо не соответствует законодательству, являются ничтожными по статьям 169 и 170 ГК соответствуют **сделкам с пороком содержания** и каузальным сделкам, недействительным по основанию **незаконности (недозволенности) каузы**. Достижение юридического результата, т. е. реализации каузы сделки такого рода направлено на нарушение закона. Кауза, т. е. ядро таких сделок, также незаконна.

3. **Сделки с пороком субъектного состава** соответствуют сделкам, недействительным по основанию **недостижимости каузы**. Кауза недостижима в сделках с пороком субъектного состава, т.к. субъекты (т.е. участники сделки) не обладают правоспособностью и необходимым для данной сделки объемом дееспособности (статьи 172-176, 178, 183, 184 ГК):

- сделки, совершенные гражданином, признанным недееспособным (ст. 172 ГК);
- сделки, совершенные несовершеннолетним, не достигшим 14 лет (ст. 173 ГК);
- сделки юридического лица, выходящие за пределы его правоспособности, т. е. в противоречии с целями его деятельности, либо юридическим лицом, не имеющим специального разрешения (лицензии) на занятие соответствующей деятельностью (ст. 174 ГК);
- сделки, совершенные органом юридического лица, полномочия которого на совершение сделки ограничены его учредительными документами по сравнению с тем, как они определены в доверенности, в законодательстве либо как они могут считаться очевидными из обстановки, в которой совершается сделка, и при ее совершении орган вышел за пределы этих ограничений (ст. 175 ГК);
- сделки, совершенные несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 176 ГК);
- сделки, совершенные гражданином, ограниченным судом в дееспособности (ст. 178 ГК);
- сделка, совершенная представителем от имени представляемого в отношении себя лично (ч.3 ст. 183 ГК);
- заключение сделки неуполномоченным лицом (ст. 184 ГК).

Это означает, что участники сделки не в состоянии достичь предписанного юридического результата по той причине, что не обладают соответствующей правдееспособностью. Не имеется в ГК нормы о ложной каузе в случае, например, гибели вещи в момент совершения сделки.

4. Как уже отмечалось выше, **незаконность цели** также имеет место в законодательстве Республики Беларусь. Речь идет о статьях 109-110 Закона Республики Беларусь об экономической несостоятельности (банкротстве). Сделки должника признаются недействительными в тех случаях, когда целью должника было умышленное причинение вреда кредиторам в результате сговора с другой стороной сделки. Данный закон сопряжён с такими сложностями, как определение фактических целей должника, которые не имеют юридического значе-

ния, как кауза, а остаются личными и непрозрачными. Нормы о недействительности сделок, предусмотренные статьями 109-110 закона о банкротстве, представляют собой частный случай норм статей 169-170 ГК. Так, статья 169, являясь и основанием для статьи 170 ГК, определяет: «Сделка, не соответствующая требованиям законодательства, ничтожна, если законодательный акт не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения». В силу этого, сделки, указанные в статьях 109-110 Закона о банкротстве, можно отнести к сделкам с пороком содержания.

Таблица 1 – Соотнесение условий недействительности сделок по Гражданскому кодексу Республики Беларусь и основаниям недействительности каузальных сделок

Основания недействительности каузальных сделок	Основания недействительности (пороки) сделок, разработанные теорией гражданского права	Основания недействительности, предусмотренные законодательством
незаконность каузы сделки	содержания	ст. 169 ГК (сделки, не соответствующие законодательству); ст. 170 ГК (сделки, запрещенные законодательством)
отсутствие каузы сделки	волеизъявления	ст. 171 ГК (мнимые и притворные сделки)
	воли	ст. 177 ГК (недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий и руководить ими); ст. 179 ГК (недействительность сделки, совершенной под влиянием заблуждения); ст. 180 ГК (недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или вследствие стечения тяжелых обстоятельств)
	формы	ст. 521 ГК (форма договора продажи недвижимости); ст. 531 ГК (форма и государственная регистрация договора продажи предприятия); ст. 580 ГК (форма и государственная регистрация договора аренды); ст. 163 ГК (последствия несоблюдения простой письменной формы сделки)
недостижимость каузы сделки	субъектного состава	ст. 172 ГК (недействительность сделки, совершенной гражданином, признанным недееспособным); ст. 173 ГК (недействительность сделки, совершенной несовершеннолетним, не достигшим 14 лет); ст. 174 ГК (недействительность сделки юридического лица, выходящей за пределы его правоспособности); ст. 175 ГК (последствия ограничения полномочий на совершение сделки); ст. 176 ГК (недействительность сделки, совершенной несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет); ст. 178 ГК (недействительность сделки, совершенной гражданином, ограниченным судом в дееспособности); ч.3 ст. 183. (представительство); ст. 184 ГК (заключение сделки неуполномоченным лицом)
незаконность	содержания	статьи 109-110 Закона о банкротстве

цели сделки		
-------------	--	--

ДЛЯ ЗАМЕТОК

РАЗДЕЛ 3. ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ КАУЗАЛЬНЫХ СДЕЛОК

3.1. Использование каузальной теории в судебной практике Республики Беларусь

В период после возбуждения судом производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) сделки должника могут быть признаны недействительными по общим основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Республики Беларусь, а также по специальным основаниям, установленным Законом о банкротстве.

Специальные основания признания сделок недействительными, предусмотренные Законом о банкротстве, закреплены в ст. 100 «Распоряжение имуществом должника», ст. 109 «Недействительность сделок должника», ст. 110 «Признание недействительным договора дарения и недействительность сделок, которые противоречат интересам государства», ст. 114 «Признание договора о залоге недействительным».

Рассмотрим судебную практику об установлении факта недействительности/ признания недействительными сделок в процедуре банкротства по некоторым из указанных оснований с точки зрения каузальной теории.

Особенности применения нормы абзаца 3 части 1 статьи 109 Закона о банкротстве

Для признания сделки недействительной по основанию абз. 3 ч. 1 ст. 109 Закона о банкротстве суду необходимо установить наличие в совокупности следующих обстоятельств, которые и формируют предмет доказывания по спору:

- сделка должна быть совершена в течение одного года до начала производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) или после возбуждения хозяйственным судом производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве);
- должник этой сделкой умышленно нанес вред интересам кредиторов;
- другие стороны сделки знали или должны были знать о том, что совершением сделки наносится вред интересам кредиторов.

Закон о банкротстве не определяет перечень случаев, при которых сделку следует считать как умышленно причиняющую вред интересам кредиторов. В данном случае вывод делается судом на основании анализа результатов сделки – произошло уменьшение имущества должника или увеличение имущественных требований либо наступили иные последствия, которые привели к полной или частичной утрате кредиторами возможности получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества. При этом, содержание сделки должно указывать на наличие умысла должника при совершении сделки в целях исключения (ограничения) возможного удовлетворения требований кредиторов.

Одновременно с этим, законодатель в содержании ч. 4 ст. 109 Закона о банкротстве определяет, что если сделка, в отношении которой заявлен иск о признании ее недействительной, была совершена после того, как должник узнал или по обстоятельствам дела должен был узнать о намерении кредитора

подать заявление кредитора, то предполагается, что должник умышленно нанес вред интересам кредиторов.

Как видим, суд берет за основание недействительности не основание (каузу) – типовой юридический результат, к которому стороны сделки стремятся – а фактическую цель (или по-другому, мотив правовой цели). Фактической целью будет являться исключение (ограничения) возможного удовлетворения требований кредиторов. И в этом случае речь идет не о мнимой или притворной сделке, где подменяется или отсутствует правовой результат, а именно о цели-мотиве. Причем, суд уполномочен на основе анализа содержания сделки сделать вывод о наличии такой цели-мотива. Часть 4 статьи 109 Закона о банкротстве лишь определяет форму вины. Такие основания не вписываются в каузальную теорию сделок. А также не способствуют стабильности гражданского оборота. Эти специальные основания, предусмотренные в Законе о банкротстве, нельзя отнести к сделкам с определенным пороком – содержания, воли, волеизъявления, формы. Порок волеизъявления здесь не присутствует, как в мнимых или притворных сделках, т. к. речь идет об элементе сделки, не имеющей правового значения – цели сделки. Статья 169 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности, можно сказать – основам публичного порядка и справедливости. Так, например, договор подряда, объектом которого будет являться завод, построенный в жилом квартале, не будет недействительным, но будет нарушать благополучие граждан. В Гражданском кодексе Республики Беларусь аналогичной нормы в главе о недействительных сделках нет.

В судебной практике имеют место случаи признания сделок недействительными по основанию абз. 3 ч. 1 ст. 109 Закона о банкротстве при условии умышленного преимущественного удовлетворения должником требований одного кредитора перед другими, отчуждения имущества должника, что повлияло на процесс осуществления должником хозяйственной деятельности и другие случаи.

Одновременным обязательным условием для признания сделки недействительной по основанию абз. 3 ч. 1 ст. 109 Закона о банкротстве является установление обстоятельств того, что другие стороны сделки знали или должны были знать о том, что совершением сделки наносится вред интересам кредиторов. Такие доказательства могут быть получены по результатам признания такой осведомленности стороной по сделке, свидетельскими показаниями руководителей сторон по сделке, а также *через установление обстоятельств наличия заинтересованных лиц по сделке* (например, сторона по сделке или ее должностные лица являются участниками должника, руководство должника имело место работы в руководящих структурах стороны по сделке или наоборот и др.).

Примеры из судебной практики

Пример 1. Экономический суд города Минска решением от 11.11.2015 удовлетворил иски о признании недействительным договор уступки требования от 24.03.2014 № 5, заключенный между истцом и СООО «С» (дело № 277-9/2015) [60].

Оценивая оспариваемую истцом сделку – договор уступки права требования от 24.03.2014, суд основывался на следующих обстоятельствах.

Договор был заключен в то время, когда у истца имелась просроченная кредиторская задолженность перед иными кредиторами, при том, что задолженности перед ответчиком у истца не имелось, а ответчик имел задолженность перед истцом в сумме 980 000 000 руб. (по договору купли-продажи).

Не принимая мер по взысканию задолженности с ответчика, за счет которой могла быть погашена кредиторская задолженность перед указанными кредиторами, истец 24.03.2014 заключает договор уступки требования со своим дебитором (ответчиком), по которому принимает право требования к ООО «Р». В отношении указанного предприятия 27.05.2014 было принято решение о ликвидации, а 17.06.2015 ООО «Р» было исключено из ЕГР по завершении процедуры банкротства.

Кроме того, условиями договора уступки требования установлена цена, которую истец должен заплатить ответчику за уступаемое требование – 980 000 000 руб.

25.03.2014 стороны подписали акт зачета взаимных требований, согласно которому по состоянию на 25.03.2014 у ответчика имелась задолженность перед истцом по договору купли-продажи в сумме 980 000 000 руб., а у истца перед ответчиком имелась задолженность, образовавшаяся в результате заключения 24.03.2014 договора уступки права требования в сумме 980 000 000 руб.

Указанные обстоятельства, а также проведенный сторонами зачет взаимных требований, направленный на прекращения взаимных обязательств сторон, были расценены судом как действия по искусственному прекращению обязательств ответчика перед истцом на сумму 980 000 000 руб. в ущерб как самому истцу, так и его кредиторам.

С учетом того, что законодательство не определяет, что понимается под вредом интересам кредиторов и в чем он может выражаться, суд исходил из того, что предмет доказывания по настоящему делу включает анализ результатов сделки – произошло уменьшение имущества должника или увеличение имущественных требований либо наступили иные последствия, которые привели к полной или частичной утрате кредиторами возможности получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества.

В этой связи вывод суда о целенаправленном (умышленном) причинении вреда интересам кредиторов является обоснованным.

В соответствии с положениями абз. 3 ч. 1 ст. 109 Закона о банкротстве необходимо доказать, что другая сторона сделки знала или должна была знать об умышленном нанесении ее контрагентом вреда интересам своих кредиторов.

Пример 2. В ходе рассмотрения дела судом первой инстанции было установлено, что между ООО «Ф» (заказчик) и ООО «Г» (генподрядчик) 22.06.2011 заключен договор генерального строительного подряда по строительству объекта [60].

28.11.2011 между ООО «Ф» (заказчик) и ООО «Г» (инвестор) заключен договор б/н о долевом инвестировании строительства, согласно которому заказчик обязался организовать и обеспечить с привлечением денежных средств инвестора долевое строительство указанного объекта, а после ввода объекта в эксплуатацию и внесения инвестором всех причитающихся платежей передать в собственность последнего помещения общей площадью 1523,3 кв.м.

По результатам анализа исполнения указанных договоров стороны констатировали наличие взаимных денежных обязательств и 29.08.2013 заключили соглашение о зачете на сумму в белорусских рублях, эквивалентную 1 706 410,9 доллара США.

Определением экономического суда города Минска от 07.07.2014 возбуждено дело об экономической несостоятельности (банкротстве) в отношении ООО «Г».

На момент заключения соглашения о зачете ООО «Г» имело задолженность перед иными кредиторами, в том числе: по заработной плате работникам общества; по обязательным платежам в бюджет, которая оказалась непогашенной и в последующем была включена в реестр требований кредиторов.

В ходе судебного разбирательства ООО «Ф» иск признало, представители общества в судебном заседании заявили суду о том, что на момент заключения соглашения о зачете ответчику было известно о наличии у ООО «Г» непогашенной задолженности перед иными кредиторами.

При принятии решения об удовлетворении иска суд первой инстанции исходил из того, что наличие у ООО «Г» непогашенной задолженности перед иными кредиторами на момент заключения соглашения о зачете, о чем было известно ООО «Ф», и неудовлетворение таких требований после заключения соглашения свидетельствует о причинении вреда интересам кредиторов. При этом суд также констатировал, что оспоренная сделка привела к изменению очередности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов по обязательствам, возникшим до ее совершения.

С выводами суда первой инстанции согласился Президиум Верховного Суда Республики Беларусь при рассмотрении дела по протесту заместителя Генерального прокурора Республики Беларусь, указав в постановлении от 10.08.2016, что констатация в решении суда того, что соглашение о зачете повлекло изменение очередности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов, подтверждает факт причинения вреда интересам кредиторов.

В самой процедуре банкротства управляющие должны предоставлять информацию о признаках преднамеренного и ложного банкротства и других неправомερных действиях менеджеров [61]. Статья 12.13 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) [62] содержит перечень неправомερных деяний при принятии мер по предупреждению экономической несостоятельности (банкротства) или при осуществлении процедур экономической несостоятельности (банкротства). Статья 240 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [63] содержит признаки преднамеренного банкротства, а статья 241 УК – действия по препятствованию возмещения убытков кредиторам (кредиторам). При возбуждении административного или уголовного производства в связи с совершением вышеуказанных деяний предполагается *повторное доказывание умысла лиц, совершивших сделки*, признаваемые по статьям 109-110 Закона о банкротстве недействительными.

Логика разграничения частного и публичного права и самой каузальной теории требует первоначального признания деяния лиц, совершивших данные сделки, административным правонарушением или преступлением. И лишь после установления умысла признавать эти сделки недействительными по такому пороку, как порок содержания (статья 169 ГК, но не ст. 170! ГК). Данное положение требует глубокой проработки со стороны практиков и теоретиков.

Особенности применения нормы абзаца 4 части 1 статьи 109 Закона о банкротстве

В содержании абз. 4 ч.1 ст. 109 Закона о банкротстве указаны две группы сделок с участием должника, которые могут быть признаны недействительными при наличии в совокупности следующих обстоятельств, которые и формируют предмет доказывания по спору. Так, для признания первой группы сделок недействительными необходимо установить, что:

- сделка должна быть совершена в течение 3-х лет до начала производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) или после возбуждения хозяйственным судом производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве);

- должник вызвал свою неплатежеспособность уголовно наказуемым деянием, установленным вступившим в законную силу приговором суда, а другие стороны сделок знали или должны были знать об этом.

Для признания недействительными второй группы сделок необходимо установить совокупность следующих обстоятельств:

- сделка должна быть совершена в течение 3-х лет до начала производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) или после возбуждения хозяйственным судом производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве);

- должник путем совершения таких сделок умышленно нанес вред интересам кредиторов, а другие стороны сделок были заинтересованными в отношении должника лицами, которые, как предполагается, знали о том, что должник совершением этих сделок умышленно нанес вред интересам кредиторов.

Перечень заинтересованных лиц в отношении должника установлен в статье 1 Закона о банкротстве.

Пример 3. Экономический суд города Минска решением от 29.06.2015 по делу № 184-8/2015: отказал ООО «Н» (истец, должник) в удовлетворении требования, предъявленного к гражданину Г. (ответчик) о признании недействительным договора залога от 27.09.2013 [60].

Апелляционная инстанция отменила решение суда первой инстанции и признала недействительным договор залога от 27.09.2013.

Согласно материалам дела, 31.07.2013 собранием участников ООО «Н» было принято решение о заключении крупной сделки – кредитного договора с Банком.

В обеспечение погашения кредита ответчик предоставил в залог принадлежащие ему облигации банковской организации и подписал с Банком договор поручительства, в соответствии с которым обязался нести солидарную ответственность перед банком по обязательствам должника.

Согласно решению кредитного комитета Банка кредит истцу был выдан с учетом предоставленных обеспечений, поскольку платежеспособность предприятия была признана ограниченной.

Впоследствии, 27.12.2013 участниками ООО «Н» было принято решение о ликвидации общества и назначении ликвидационной комиссии.

После письменного обращения банка к поручителю (ответчику) о принятии мер к погашению задолженности ответчик в январе 2014 произвел погашение обязательств истца перед банком путем внесения 358 400,95 евро.

На основании договора поручительства ответчик предъявил в ликвидационную комиссию требование кредитора.

Согласно договору залога от 27.09.2013 в случае удовлетворения ответчиком (залогодержателем) требований Банка в соответствии с договором поручительства от 01.08.2013 истец (залогодатель) обязался выплатить залогодержателю возмещение в объеме, в котором последний удовлетворит требования Банка и возместить иные убытки, понесенные залогодержателем в связи с ответственностью за ООО «Н».

В обеспечение исполнения указанного обязательства залогодатель предоставил залогодержателю в указанные в договоре залога нефтепродукты. Стоимость предмета залога на момент заключения договора залога составляла 1 203 000 долларов США.

Поскольку требование ответчика было обеспечено залогом, ликвидационная комиссия включила его в третью очередь.

22.04.2014 экономическим судом города Минска в отношении истца было возбуждено дело об экономической несостоятельности (банкротстве) и открыто конкурсное производство.

18.07.2014 ответчик предъявил управляющему требование кредитора, которое было включено в реестр в четвертую очередь, как требование, обеспеченное залогом имущества должника.

Условиями договора залога от 27.09.2013 предусмотрено, что залогодатель вправе отчуждать предмет залога либо иным образом распоряжаться им только с согласия залогодержателя.

Заявляя требование о признании договора залога недействительным, истец исходил из того, что указанный договор был заключен между истцом и заинтересованным в отношении него лицом – участником, гражданином Г., до открытия конкурсного производства в отношении истца с целью нанесения вреда интересам кредиторов истца, поскольку посредством указанного договора удовлетворение требований ответчика за счет имущества ООО «Н» является преимущественным перед требованиями указанных кредиторов.

Суд первой инстанции отказал истцу в удовлетворении заявленного требования. При вынесении решения суд первой инстанции учитывал наличие предоставленного ответчиком обеспечения исполнения ООО «Н» кредитного договора с Банком, а именно поручительства, в рамках которого и был погашен кредит. Также суд указал, что ответчик не являлся руководителем ООО «Н»; в случае погашения кредита предприятием оснований для предъявления требований к поручителю у Банка не имелось бы, в связи с чем обращение о взыскании на заложенное имущество также не наступило бы. В материалах кредитного дела имеются сведения о составе дебиторской задолженности на последнюю отчетную дату (по состоянию на 17.06.2013) на сумму 7 540,4 млн руб. Следовательно, при заключении договора залога гражданин Г. не имел возможности оценить последствия заключенного им договора в виде нанесения вреда кредиторам.

Отменяя решение суда первой инстанции, апелляционная инстанция исходила из того, что при наличии договора залога у кредиторов утрачивалась возможность получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества.

Так, суд апелляционной инстанции указал, что ответчиком при составлении договора не было усмотрено оснований для того, чтобы предоставить должнику – залогодателю право самостоятельно распоряжаться залогом, а именно – реализовывать его и рассчитываться по обязательствам, основываясь на принципе добросовестности и разумности. Ответчик оговорил для себя право, гарантируя свои интересы, давать согласие на реализацию имевшихся ресурсов.

Материалы дела подтверждают, что оформление на имущество должника залога при невозможности его реализации без согласия ответчика (с наступившим для него правом требования к должнику) создавало препятствия расчетам с кредиторами, нанося тем самым вред их имущественным интересам. При наличии залога утрачивалась возможность кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества.

Данные обстоятельства дали основания суду апелляционной инстанции сделать вывод о целенаправленном (умышленном) причинении вреда интересам кредиторов.

При этом, исходя из нормы абз. 4 ч. 1 ст. 109 Закона о банкротстве, в отношении ответчика, являвшегося заинтересованным лицом в отношении должника и стороной сделки с ним, действует *презумпция того, что он знал об умышленном нанесении залоговой сделкой вреда интересам кредиторов.*

Суд апелляционной инстанции в постановлении констатировал, что материалами дела и пояснениями ответчика данная презумпция не опровергнута. Приобретая статус участника ООО «Н» и действуя «разумно», ответчик уже на этапе принятия мер по получению кредита не мог не знать о финансовом и имущественном положении должника, состоянии кредиторской и дебиторской задолженности. Тем более это относилось к ситуации по состоянию на дату оформления договора залога. Ответчику было известно, что должник имел в тот период единственный значимый ликвидный ресурс и использовал его для обеспечения преимущественного удовлетворения требования одного кредитора. Доводы ответчика о том, что он стал участником общества в 2013 году незадолго до инициирования получения кредита и узнал о финансовом состоянии должника только по итогам 2013 года, судом апелляционной инстанции не были приняты во внимание.

Судебная практика по рассмотрению дел по искам о признании сделок недействительными по основаниям, предусмотренным ст. 110 Закона о банкротстве

По основаниям, предусмотренным абз. 2 ч. 1 ст. 110 Закона о банкротстве, признается недействительным договор дарения независимо от желания должника и одаряемого причинить вред кредитору, если такой договор совершен в течение шести месяцев до начала производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) или после возбуждения хозяйственным судом производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве), если в этих случаях имеется прямая или косвенная связь с наступлением неплатежеспособности должника или ее увеличением.

На основании абз. 3 ч. 1 ст. 110 Закона о банкротстве суд по иску управляющего также может признать недействительным договор дарения, совершенный в течение одного года до начала производства по делу об экономической несосто-

тельности (банкротстве), а если одаряемым было заинтересованное в отношении должника лицо, – в течение трёх лет до момента открытия в отношении его конкурсного производства, при условии, что одаряемый или должник не докажут, что у должника после дарения оставалось имущество, которое соответствовало размерам его долгов и на которое можно было бы обратиться взыскание.

Понятие заинтересованных лиц в отношении должника дано в статье 1 Закона о банкротстве.

Исходя из ч. 3 ст. 110 Закона о банкротстве, по указанным в части первой названной статьи основаниям может быть признана недействительной также сделка купли-продажи, мены или иная сделка должника, если в силу неравенства обязательств сторон очевидно, что заключенный договор хотя бы частично совершен не в пользу должника по цене, существенно заниженной или завышенной относительно цены, обычно взимаемой за аналогичные товары (работы, услуги), т. е. имеет характер дарения.

Следует иметь в виду, что исчерпывающего перечня видов сделок в ч. 3 ст. 110 Закона о банкротстве не установлено.

Под неравноценностью встречного исполнения обязательства следует понимать любую передачу имущества или иное исполнение обязательств, когда рыночная стоимость переданного должником имущества или осуществленного им иного исполнения обязательств существенно выше (ниже) стоимости полученного встречного исполнения, определенной с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения.

Таким образом, для признания сделки должника недействительной по основаниям, предусмотренным статьей 110 Закона о банкротстве, не обязательно, чтобы имело место непосредственно дарение, достаточно установить возникновение вследствие совершения сделки неравноценных обязательств сторон, под которым можно рассматривать как занижение цены реализуемого должником товара (работ, услуг), так и завышение цены приобретаемого им товара (работ, услуг).

В предмет доказывания по данной категории споров по общему правилу входят следующие факты: заключения сделки; совершения сделки не в пользу должника; неравенства обязательств сторон по сделке; заключения сделки по цене, существенно заниженной или завышенной относительно цены, обычно взимаемой за аналогичные товары (работы, услуги). **Таким образом, такие сделки суд признает недействительными по презумпции виновности сторон, т. е. на основании презумпции противоправного характера фактической цели-мотива. При этом не учитывает принцип свободы договора и предпринимательской деятельности в вопросах формирования цены и выбора контрагентов.**

Дополнительно в предмет доказывания по спорам о признании недействительной сделки, заключенной в течение шести месяцев до начала производства по делу о банкротстве или после возбуждения судом производства, входит факт наличия прямой или косвенной связи между совершением сделки и наступлением неплатежеспособности должника или ее увеличением.

В отношении сделки, заключенной в течение одного года до начала производства по делу о банкротстве, в предмет доказывания входит факт того, что контрагент по сделке являлся заинтересованным в отношении должника лицом.

В случае предъявления иска в отношении сделки, совершенной в течение трех лет до начала производства по делу о банкротстве, на контрагенте и (или) должнике лежит бремя доказывания того, что у должника после совершения сделки оставалось имущество, которое соответствовало размерам его долгов и на которое можно было бы обратиться взыскание.

Указанные иски могут быть предъявлены в течение сроков исковой давности, установленных ст. 182 ГК. Сроки исковой давности по таким требованиям начинают течь с момента, когда управляющий по делу о банкротстве мог и должен был узнать об оспоримой сделке. В случае смены управляющего по делу течение сроков исковой давности не прерывается.

Примеры из судебной практики

Пример 4. Истец в лице управляющего в деле о банкротстве ООО «Б» обратился в суд с требованием о признании недействительным договора купли-продажи автомобиля от 09.03.2015, заключенного между истцом и ООО «С», на основании ч. 3 ст. 110 Закона о банкротстве, как сделки, имеющей характер дарения [60].

В обоснование заявленного требования истец указал, что рыночная стоимость автомобиля составляет от 106 261 400 рублей и выше, в то время, как по договору автомобиль продан за 20 000 000 рублей. В связи с этим договор купли-продажи от 09.03.2015 совершен не в пользу ООО «Б», так как совершен по цене, существенно заниженной относительно рыночной цены, обычно взимаемой за аналогичные товары, а следовательно, указанная сделка имеет характер дарения.

Как следует из материалов дела, экономическим судом г. Минска 10.08.2015 возбуждено производство по делу о банкротстве и открыто конкурсное производство в отношении ООО «Б».

По договору лизинга от 20.08.2012, заключенного между истцом (лизингополучатель) и СООО «Р», был приобретен автомобиль «Renault Logan» 2012 года выпуска. Исходя из сведений, указанных в счет-справке от 24.08.2012, автомобиль продан за 125 013 856 рублей.

16.10.2013 подписан акт передачи прав собственности на имущество в связи с уплатой лизингополучателем лизингодателю полной стоимости имущества, установленной договором.

Между истцом и ответчиком 09.03.2015 был заключен договор купли-продажи автомобиля «Renault Logan», стоимость которого в соответствии с п. 3 договора составила 20 000 000 рублей.

В обоснование существенного занижения цены по договору купли-продажи от 09.03.2015, относительно рыночной цены на автомобили аналогичных характеристик в период совершения оспариваемой сделки, истец руководствовался сведениями интернет-сайта вторичного рынка продаж, согласно которым средняя рыночная стоимость автомобиля с характеристиками и годом выпуска, аналогичных спорному автомобилю, составляет от 106 261 400 рублей.

Таким образом, рыночная стоимость автомобиля по оспариваемому договору значительно ниже рыночных цен на автомобили, обладающие характеристиками, аналогичными тем, которые имеет спорный автомобиль.

При указанных обстоятельствах договор купли-продажи от 09.03.2015 признан судом недействительным.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

На основании абз. 3 ч. 1 ст. 110 Закона о банкротстве суд по иску управляющего признает недействительным договор дарения независимо от желания должника и одаряемого причинить вред кредитору, если договор совершен в течение одного года до начала производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве).

Управляющий в деле о банкротстве ООО «А» обратился в суд с иском к ОДО «Б» о признании недействительным договора субаренды от 30.01.2015 по основаниям, изложенным в абз. 3 ч. 1 ст. 110 Закона о банкротстве, настаивая на том, что данный договор совершен не в пользу должника, поскольку имеет признаки дарения и был заключен менее чем за один год до начала производства по делу о банкротстве должника.

Ответчик с исковыми требованиями не согласился, указав в своем отзыве на то, что размер арендной платы определялся по соглашению сторон, с учетом партнерских отношений. В частности, до заключения оспариваемой сделки между сторонами было достигнуто соглашение о выделении истцу беспроцентного займа, т. е. на льготных условиях. При этом руководство истца приняло на себя обязательства в будущем в случае необходимости представить ответчику часть недвижимого имущества с учетом уступок по условиям предоставленного займа.

Кроме того, истцом не представлено доказательств ухудшения финансового положения должника в связи с заключением оспариваемого договора.

Изучив материалы дела, суд пришел к следующим выводам.

Определением от 24.04.2015 в отношении ООО «А» возбуждено производство по делу о банкротстве. Определением от 06.07.2015 открыто конкурсное производство.

В ходе процедуры банкротства управляющим выявлено, что 30.01.2015 между сторонами был заключен договор субаренды, согласно которому истец передал ответчику во временное пользование и владение изолированное помещение. При этом ставка арендной платы составляла 1 евро за 1 кв.м. в месяц (подпункт 3.1 п. 3 договора).

В ходе анализа финансово-хозяйственной деятельности истца управляющим установлено, что менее чем за год до возбуждения процедуры банкротства между ответчиком и ЧТУП «Б» был заключен договор субаренды от 01.04.2015, по которому это же помещение в период с 01.04.2015 до 31.03.2016 сдавалось в субаренду по ставке арендной платы в размере 22 евро за 1 кв.м. в месяц (подпункт 3.1 п. 3 договора), т. е. в 22 раза выше той ставки, по которой это помещение было сдано 31.01.2015 истцом в субаренду ответчику по оспариваемому договору.

В материалы дела также представлена копия договора субаренды № 218 от 01.04.2014, заключенного ООО «В» с ЧТУП «Б» в отношении той же части нежилого помещения на срок с 01.04.2014 до 31.03.2015, согласно которому ставка арендной платы была установлена в размере 25 евро за 1 кв.м. в месяц (подпункт 3.1 п. 3 договора).

Вышеизложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что ставка арендной платы в размере 1 евро за 1 кв.м. более чем в 20-25 раз меньше той ставки, по которой это помещение сдавалось в субаренду ответчику.

При этом суду в порядке ст. 100 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь не были представлены доказательства наличия у должника после дарения имущества, которое соответствовало размерам его долгов и на которое можно было бы обратить взыскание.

Таким образом, учитывая, что оспариваемый договор был заключен менее чем за год до возбуждения в отношении ООО «А» дела об экономической несостоятельности (банкротстве), а размер арендной платы по данному договору существенно ниже размера обычно взимаемой арендной платы, суд согласился с доводами истца о том, что такой договор имеет характер дарения, в связи с чем исковые требования были удовлетворены, заключенный между сторонами договор субаренды от 30.01.2015 был признан недействительным.

Доводы ответчика о том, что оспариваемая сделка – договор субаренды от 30.01.2015 носит возмездный характер, поэтому не является договором дарения, в рассматриваемом случае не могут быть приняты во внимание, поскольку, исходя из смысла ч. 3 ст. 110 Закона о банкротстве, основанием для недействительности сделки выступает **не факт дарения, а условия сделки, указывающие на характер дарения**, т. е. свидетельствующие о совершении сделки по цене, существенно заниженной, что и было установлено в ходе судебного разбирательства. То есть за основание недействительности каузальной сделки берется фактическая цель-мотив, а не правовая цель, выражающаяся при ее реализации в типовом юридическом результате.

Не приняты во внимание и ссылки ответчика на отсутствие факта убыточности для истца совокупности сделок – договора займа и договора субаренды, поскольку суду не представлены доказательства наличия взаимосвязи между вышеуказанными договорами, а доводы об отсутствии доказательств ухудшения финансового положения истца вследствие заключения оспариваемого договора не имеют правового значения для рассмотрения исковых требований по заявленным основаниям.

На основе анализа судебной практики о недействительных сделках в процедуре банкротства очевидно, что используются положения каузальной теории: имеет место два обстоятельства. Первое – при неравнозначности основному встречного предоставления, будь то речь идет о купле-продаже, зачете, аренде, суд трактует сделку как притворную, прикрывающую договор дарения, хотя имеет место встречное предоставление, пусть и неравнозначное, по мнению суда, основному. То есть суд не признает юридическое значение каузы сделки. Второе обстоятельство – суд в вопросах о недействительности сделки должника-банкрота переносит акцент с правового результата (каузы) сделки должника на фактическую цель – нанесение вреда интересам кредиторам должника-банкрота. Это означает, что не только кауза сделки – тот типовой юридический результат, от которого зависит действительность сделки – положен в основание недействительности сделки, но и фактическая цель, которая изначально не имеет правового значения. Данное обстоятельство требует пересмотра взглядов на каузу сторонниками каузальной теории.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

3.2. Взаимосвязь практических и теоретических аспектов правовой природы каузальных сделок при заключении сделок с недвижимостью

Важность правовых институтов каузальных и абстрактных сделок видна на примере сделок с недвижимостью. Природа каузальных и абстрактных сделок и вопросы ее понимания раскрываются при исследовании вопроса природы сделок с недвижимостью – одних из самых сложных и важных сделок, в которых институты обязательственного и вещного права тесно переплетены. В силу последнего в теории и практике остро стоит вопрос о разъединения всей сделки по правомерному отчуждению недвижимости на две независимые сделки – обязательственную и вещную (распорядительную).

При этом под обязательственной сделкой следует, как правило, иметь в виду договор купли-продажи недвижимости как подтверждение договоренности сторон намерения продать и купить. В понятие «вещная сделка» при этом будут входить фактические действия по передаче имущества – объекта договора, такая сделка также называется «распорядительной». Обязательственная и вещная сделки рассматриваются как самостоятельные и независимые части одного механизма по передаче прав на недвижимое имущество.

Причем, если вещные сделки носят абсолютный характер, то обязательственные сделки (договоры) всегда – каузальный характер, что означает взаимную обусловленность действий сторон сделки. Относительный характер обязательственных отношений положен в основу понимания каузальных сделок.

Предмет обязательства и есть основание (кауза) обязательственной сделки. В теории гражданского права существует разделение понятий каузы сделки и каузы обязательства: каузой (основанием) обязательства как правоотношения является обязательственная сделка (договор), а кауза обязательственной сделки – предмет обязательства, т. е. взаимосвязанные, взаимообусловленные права и обязанности сторон обязательства.

В римском праве каузальность сделок презюмировалась, т. к. получение выгоды в виде денег, вещей, работ, услуг и есть основа гражданского оборота. Среди каузальных сделок есть и сделки без встречного предоставления, однако обусловленность здесь сохраняется – нельзя по договору дарения передать вещь, если другая сторона не хочет ее принимать. В силу этого каузальность – это именно обусловленность встречных требований и исполнений сторон, а не обусловленность получением прямой выгоды в виде встречного предоставления. Таким образом, каузальная сделка – это всегда дву- и многосторонняя сделка (договор), т. е. всегда обязательственная сделка (договор всегда порождает обязательство), а сама кауза сделки (договора) – это предмет обязательства.

И именно выделение абстрактной «вещной» сделки из обязательственной сделки (договора) на примере купли-продажи недвижимости позволяет понять природу каузальной сделки.

В связи с этим исследуем принцип разъединения (разделения) сделок в Германии и Беларуси, а также в России в разрезе гражданского оборота недвижимости (далее – принцип разъединения), его основные элементы, теоретическую основу и практический подход к его применению. Автор анализирует германский и белорусский (российский) подходы к пониманию надлежащего отчуж-

дения недвижимого имущества, отражение перехода прав в государственном регистре.

Ключевым элементом гражданского оборота является передача права собственности на материальные и нематериальные объекты. Законодательство стран континентальной Европы имеет различные взгляды на ряд принципиальных обстоятельств, касающихся отчуждения права собственности. В частности, они касаются того, можно ли применять к исполнению по договору, устанавливающему обязательство передать право собственности, правила о сделках; влечет ли недействительность (незаключенность) указанного договора к отпадению эффекта, который им был изначально создан; что считать моментом перехода права собственности – момент передачи вещи (права) или момент заключения договора [64].

С точки зрения Томаева И. О. [65], наиболее удачно вопрос перехода прав собственности нашел отражение в так называемом принципе разъединения (Trennungsprinzip) (или «принципе разделения»), существующем в германском гражданском праве. Сущностью этого принципа, по мнению С. Хабермайера, является «выражение характерной для европейских правопорядков потребности выделить в действиях, направленных на переход субъективных прав, два различных по правовым последствиям момента: вещную и обязательственную сторону единого, во всяком случае, экономически, а часто и фактически, процесса» [66]. Отметим, что принцип разъединения не означает необходимости совершения дополнительных действий, поскольку, как правило, обязательство, взятое на себя продавцом, и воля передать вещь отражаются в едином акте и могут совпадать по времени, но толкование такого акта, разумеется, приведет к признанию существования двух самостоятельных сделок [67; 68]. В силу указанного принципа, необходимо различать сделку, создающую обязательство передать вещь (обязательственную сделку), и саму сделку по отчуждению вещи (распорядительную сделку) [69; 70]. В соответствии с германским правом, для передачи права собственности на движимые вещи и на земельные участки одного лишь соглашения о переходе собственности недостаточно [71]. В качестве дополнительного огласительного или публичного момента для движимых вещей требуется передача владения, а для земельных участков – регистрация изменения правового состояния в поземельной книге. Передача владения и регистрация в поземельной книге не являются лишь требованиями формы для соглашения о переходе права собственности. Они являются самостоятельными актами дополнительно к соглашению [72]. Таким образом, механизм отчуждения объекта недвижимости по германскому праву предусматривает три самостоятельных стадии:

- 1) заключение обязательственного договора;
- 2) исполнение обязательств;
- 3) переход вещного права, который закрепляется в реестре.

1. Германское гражданское уложение технически устанавливает процесс купли-продажи как трех сделок: договор купли-продажи, обосновывающий синаллагматику отношений покупателя и продавца, и два договора передачи права собственности – на вещь и на право (что в теории породило новое обозначение для последних двух сделок – вещный договор). При этом в основе разделе-

ния договора на обязательственную и распорядительную части лежит уже упомянутый принцип разъединения, который дополняется еще двумя характерными для германского права принципами. В силу принципа абстракции (Abstraktionsprinzip), действительность распорядительной сделки обособляется от действительности сделки, порождающей обязательство передать право собственности. В силу другого принципа – традиции (Traditionsprinzip), предусматривается обязательное условие о передаче владения при отчуждении движимой вещи [72, С. 91-92]. Стоит отметить, что принципы разделения и абстракции введены теорией, разработанной Ф. К. Савиньи еще в XIX веке, впоследствии они были приняты германским законодательством [69, С. 41-58].

В германской системе нет фигуры добросовестного приобретателя, что является проявлением принципа абстракции. В ситуации, когда, к примеру, стороны заключили договор купли-продажи вещи и исполнили его передачей, затем покупатель вещи перепродал ее третьему лицу, а впоследствии первоначальный договор признается недействительным, то в силу принципа абстракции, распорядительная сделка из этого договора остается в силе. Отсюда следует, что вещь перешла от управомоченного собственника и, следовательно, не может быть истребована у третьего лица. В ситуации, когда недействительна распорядительная сделка, обязательственная (каузальная) сделка сохраняет свою юридическую силу, и покупатель вправе требовать исполнения по ней или возмещения убытков. Что касается несправедливости, порождаемой абстрактным вещным договором, то в германском праве она устраняется с помощью кондикционных исков, предоставленных потерпевшему собственнику. Данный подход германской системы призван обеспечить стабильность оборота посредством защиты собственника и не допустить распространения практики оспаривания сделок. Иной подход, который также предусматривает разъединение сделок, однако, ставит действительность акта распоряжения в зависимость от обязательственного договора (т. е. не применяют принцип абстракции) и именуется «каузальным способом перехода прав».

Здесь для защиты оборота и конкретного приобретателя вещи вводятся правила о добросовестности приобретения [70]. В данной работе мы не будем сравнивать преимущества и недостатки указанных систем, целью изложения данных подходов является дальнейшее рассмотрение применения изложенных конструкций в белорусской и российской правовой системе координат. Мы попытаемся применить теоретические выводы, добытые на основе изучения германского опыта разделения сделок по отчуждению недвижимости, к регулированию оборота недвижимости в Республике Беларусь и Российской Федерации.

Что касается применения принципа разъединения в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации, то здесь мнения ученых разделись. Василевская Л. Ю. [69], Новоселова Л. А [73], Бевзенко Р. С. [74], Егоров А. В. [68], Карнаков Я. В. [75] высказываются за эффективность применения принципа разъединения и существования распорядительных сделок. Вместе с тем, ряд известных ученых (К. И. Скловский [76], Е. А. Суханов [70]) выражают определенные *сомнения относительно адекватности самой идеи распорядительных сделок.*

Отметим, что дореволюционные отечественные цивилисты также высказывались по исследуемому вопросу. Так, Г. Ф. Шершеневич указывал, что «...договор купли-продажи сам по себе собственности еще не создает, а является только основанием...» [77, С. 182.]. М. М. Агарков и Е. А. Флейшиц считали **распорядительные сделки вспомогательными**, производящими эффект лишь «в силу основной сделки», признавая этим **принцип разъединения** [78, С. 18]. Среди современных авторов выделим Л. Ю. Василевскую, которая прямо указывает, что необходимо адаптировать нормы о вещном договоре в российском законодательстве [69, С. 3-5].

Бевзенко Р. С. согласен с идеей разъединения сделок по отчуждению недвижимости на обязательственные и распорядительные и отстаивает идею абстрактности, а не каузальности последних [79]. Данный подход, по его мнению, позволяет следующее:

1) стабилизировать оборот, не допуская широкого применения последствий недействительности сделок;

2) «избежать покупателем дополнительных издержек, связанных с изучением титула продавца на предмет поиска возможных пороков, либо пороков в титулах его предшественников», поскольку в правовых порядках с абстрактным подходом к сути распорядительной сделки данные государственного реестра считаются априорно верными и не зависят от признания обязательственной сделки недействительной (т. н. позитивная регистрационная система);

3) гибче подходить к оформлению распорядительных сделок, поскольку стороны могут предусмотреть в них условие о привязке к обязательственному договору (по сути, это превращение в каузальную сделку), каузальные же сделки не могут включать условия об отходе от идеи зависимости распорядительной сделки от обязательственной. При этом идеальным решением вопроса о стабильности оборота ученый видит в сочетании системы абстрактной передачи права, нотариального удостоверения этого волеизъявления и внесения записи о переходе права в реестр.

Егоров А. В. указывает, в частности, что существующая судебная практика уже предложила принцип разделения уступки прав требования на соглашение об уступке (обязательственную сделку) и уступку как таковую (распорядительную сделку) и предлагает применять тот же подход применительно к вещам [68].

Глубокому теоретическому анализу подверг принцип разъединения обязательственной и распорядительной сделок К. И. Скловский, рассматривая его в аспекте продажи чужого имущества. Выражая антипатию к самой идее разделения, автор строит логику своих аргументов на основе института воли и волеизъявления [76, С. 92]. Ученый доказывает, что единственной волей продавца является осуществление перехода собственности в пользу покупателя, поэтому купля-продажа (обязательственная сделка) справляется с этой задачей и без всякого дополнительного волеизъявления продавца (распорядительная сделка). Несмотря на веские доводы с обеих сторон, нам представляется, что существование распорядительных сделок как реализация принципа разъединения не только логично и обоснованно, но и необходимо гражданскому обороту. При этом, на наш взгляд, существует очевидная связь между **разъединением сделок**

на обязательственные и распорядительные и признанием абстракции последних. Нам видится, что такой подход позволит **упрочить гражданский оборот в части минимизации рисков оспаривания прав приобретателя того или иного имущества.** Судебная практика России движется именно по этому пути [80], что свидетельствует о тенденции к упрочению гражданского оборота и минимизации рисков оспаривания прав приобретателя того или иного имущества.

Наметившаяся тенденция и фактические обстоятельства гражданского оборота не только в России, но и в Республике Беларусь несомненно, позволяют говорить, что в ближайшее время количество судебных решений, развивающих идею о разъединении сделок на обязательственные и распорядительные (вещные), будет расти. Тем более, что государство в лице РУП «Агенство по государственной регистрации и земельному кадастру» берет на себя ответственность за ведение реестра прав. Однако данная тема является предметом отдельного глубокого анализа.

Проблема современного гражданского оборота Республики Беларусь – в очень широком спектре возможностей для признания сделок недействительными. Но как известно, данные основания поражают, прежде всего, обязательственную сделку. Поэтому на современном этапе можно было бы радикально стабилизировать оборот и побороть недействительные сделки именно принципом абстракции. Поэтому, когда говорят, что принцип абстракции даст для стабильности оборота «ничтожно мало» [81, С. 104], то мягко говоря, спешат с выводами.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Содержание и логика пособия состоят в том, чтобы с позиций гражданского права изучить условия недействительности каузальных сделок. Для этой цели решались такие задачи, как исследование понятия каузальной сделки, классификаций оснований недействительности сделок, вопроса о правовом значении каузы сделки в судебной практике. На сегодняшний день теория, законодательство и судебная практика не согласованы в вопросе каузальных сделок.

В соответствии с презумпцией каузальности сделок, которая, как представляется, пользуется признанием в правопорядке Республики Беларусь, Российской Федерации и других стран континентальной системы права, любая сделка с предоставлением является каузальной, если только из ее содержания не следует, что она является абстрактной. Соответственно, кредитор, обращающийся за защитой своего права, должен либо доказать абстрактный характер сделки, являющейся основанием его права, либо доказать существование каузальной сделки, для чего ему необходимо доказать наличие каузы сделки, разъяснить вопрос о предоставлении с его стороны. Таким образом, наличие каузы сделки является условием существования каузальной сделки как юридического факта.

Итак, выводы, имеющие как теоретический, так и практический характер:

1) путаница в взглядах на каузу сделки, а именно договора (каузальные сделки всегда являются договорами), связана с двояким пониманием договора – как сделки и как обязательства. И если разделить понятия «кауза сделки» и «кауза обязательства», то становится очевидным, что кауза сделки – это правовая цель, а каузальная сделка – это сделка, в которой видна правовая цель каждой из сторон.

Предлагаем каузальными считать те сделки, в которых правовая цель каждой стороны видна либо из содержания сделки в случае нетипичного интереса сторон поименованных договоров, либо обозначена в законодательстве в случае поименованных договоров.

Основание обязательства – взаимообусловленность встречных обязательств сложного обязательства (обязательства, в котором каждая сторона выступает и кредитором, и должником) или в случае безвозмездных обязательств – предоставлений – лежит в основе деления на абстрактные и каузальные обязательства. Каузальным обязательством следует считать такое обязательство, в состав которого входит основание обязательства в качестве дополнительного элемента наряду с субъектами, объектом и содержанием. Соответственно, при отсутствии (отпадении) основания или недействительности основания каузального обязательства оно прекращается.

Абстрактным обязательством следует считать такое обязательство, в составе которого отсутствует основание. Абстрактность проявляет себя в двух аспектах – как материальная и как процессуальная абстракция. Материальная абстракция заключается в том, что основание прямо не выражено, не названо, а существует за рамками данного обязательства. Почему был выдан вексель не ясно: возможно, по договору купли-продажи не заплатили, а выдали вексель. Но это уже иное обязательства – из купли-продажи. И второй аспект абстрактности – процессуальный: иное распределение бремени доказывания – на

должнике, а не на кредиторе. По общему правилу **обязательство** векселедателя простого векселя никак не зависит от его **основания (встречного предоставления)**, которое, как правило, возникает во вневексельных правоотношениях. Таким образом, обязательство главного вексельного должника является по общему правилу **материально абстрактным**. Но ссылка на дефект основания вексельного обязательства (не самого вексельного обязательства, а обязательства купли-продажи, по которому вместо оплаты товара был выдан вексель) возможна, однако бремя доказывания переносится с кредитора на должника (**процессуальная абстракция**);

2) **каузальная сделка влечет возникновение каузального договора**. Хотя и есть исключения, например каузальная сделка о предоставлении банковской гарантии, которая породила абстрактную сделку – предоставление самой банковской гарантии;

3) можно выделить **основания недействительности каузальной сделки и основания недействительности каузальных обязательств**. Разделяя понятия каузы сделки и каузы обязательства и определяя пороки каждой из них, можно сделать вывод о различии понятий недействительности сделки и недействительности обязательства. Намек о существовании такого различия содержится в частях 2 и 3 ст. 310 ГК: «2. Недействительность соглашения об обеспечении исполнения обязательства не влечет недействительности этого обязательства (основного обязательства). 3. Недействительность основного обязательства влечет недействительность обеспечивающего его обязательства, если иное не установлено законодательством». **Недействительность обязательства, например в силу отсутствия (недостаточности) и незаконности каузы обязательства, не приводит к недействительности сделки, его породившей**. По такой сделке можно требовать компенсации убытков, уплаты неустойки и др.;

4) **кауза сделки (договора), т. е. речь идет о предмете договора, является основанием классификации договорных видов сделок**, а также имеет значение для обоснования родственности договоров и признания сделки недействительной по основанию притворности;

5) на стадии реализации непоименованных каузальных договоров недостатки, связанные с фактической реализацией каузы, являются основанием для прекращения обязательства, расторжения договора либо уменьшения размера встречной обязанности (изменения каузального обязательства);

6) на стадии реализации поименованных каузальных договоров кауза, являясь основанием классификации договоров, обосновывает применение норм о последствиях недостатков, связанных с фактической реализацией каузы, а в некоторых случаях является непосредственным основанием таких последствий;

7) **понятие «кауза» до сих пор остается «понятием вне закона»** – в теории ее относят к элементам сделки, наряду со схожими элементами цели и мотива; в судебной практике множество примеров, когда на основании отсутствия каузы сделку признают недействительной, в то время, как Закон о банкротстве строит процедуру признания недействительными сделок не на основании пороков каузы сделки, а противоправного умысла – на основании мотива и фактической цели подобно административному и уголовному праву;

8) пороки недействительности сделок, выделяемые в белорусской и российской правовой доктрине, можно соотнести с основаниями недействительности каузальных сделок на том основании, что подавляющее большинство совершаемых сделок – каузальные. Этого требует тот факт, что основание сделки признается теорией гражданского права Республики Беларусь элементом сделки, но отсутствуют пороки этого элемента сделки.

Так, возможно создание новой классификации оснований недействительности сделок. Возможно, такая классификация преодолеет недостатки уже существующей в теории классификации оснований недействительности сделок. Таким образом, каузальная теория, спорадично применяемая на практике, найдет закрепление в Гражданском кодексе. В пособии предложена такая классификация с учетом ее дальнейшей проработки как теоретиками, так и практиками;

9) проблема разграничения понятий мотива, цели и основания сделки актуальна и в силу этого требует дальнейшего изучения. Нами предложено следующее разграничение этих понятий: мотив определяет фактическую цель, а она в свою очередь – юридическую цель (каузу) сделки. Если **каузу сделки назвать целью, то фактическая цель – это мотив цели, и тогда мотив сделки – мотив мотива.**

От разграничения этих понятий и признания за ними юридической силы зависит ход судебных дел о недействительности каузальных сделок. На основе анализа судебной практики о недействительных сделках в процедуре банкротства имеют место признания два обстоятельства. Первое – **при неравнозначности основному встречного предоставления**, будь то речь идет о купле-продаже, зачете, аренде, **суд трактует сделку как притворную**, прикрывающую договор дарения. То есть суд признает нереализацию и в силу этого отсутствие каузы у сделки купли-продажи, аренды и др.

Второе обстоятельство – суд в вопросах **о недействительности сделки должника-банкрота переносит акцент с правового результата (каузы) сделки должника на фактическую цель – нанесение вреда интересам кредиторов должника-банкрота.** Это означает, что не только кауза сделки – тот желаемый типовой юридический результат, от которого зависит действительность сделки – положен в основание недействительности сделки, но и фактическая цель, которая изначально не имеет правового значения.

Данное обстоятельство требует пересмотра взглядов на каузу сторонников каузальной теории либо изменения порядка использования норм гражданского права и норм административного/уголовного права. Вопрос отнесения недействительных сделок к правонарушениям остается открытым, судя даже по оставлению в ГК конфискационных мер (ст. 170 ГК).

Логика разграничения частного и публичного права и самой каузальной теории требует первоначального признания деяния лиц, совершивших данные сделки, административным правонарушением или преступлением. И лишь после установлении умысла признавать эти сделки недействительными как сделки с пороком содержания (статьи 169 ГК, но не ст. 170 ГК), который соотносится с основанием недействительности каузальных сделок – незаконность цели. Данное положение нуждается в проработке как со стороны теоретиков, так и практиков. Как видим, юридическая доктрина требует изменений в части соот-

несения теоретической классификации оснований недействительности (пороков) сделок с основаниями, предусмотренными ГК и основаниями недействительности каузальных сделок;

10) проблема современного гражданского оборота Республики Беларусь – в очень широком спектре возможностей для признания сделок недействительными. Но как известно, данные основания поражают, прежде всего, каузальную сделку. Поэтому на современном этапе **можно было бы радикально стабилизировать оборот в отношении** таких объектов, как **недвижимость, использованием принципа абстракции**. В силу этого каузальная теория должна предложить четкие критерии каузальной сделки и каузального обязательства с целью разграничения их от абстрактных сделок и обязательств, что сделано в данной работе.

Предпринятое исследование в рамках данного пособия позволило определить понятие каузы сделки и отделить от понятия каузы обязательства, раскрыть содержание свойства каузальности и абстрактности сделки (договора) и обязательства, а также соотношение абстрактной и основной (каузальной) сделки и обязательства, определить основания недействительности каузальных сделок и каузальных обязательств, сферу применения понятия каузы сделки, влияние каузы каузального договора на классификацию договоров; выявить закономерности, обуславливающие защиту взаимной обусловленности представлений сторон возмездных отношений. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования гражданского законодательства, в судебной практике и практической деятельности хозяйствующих субъектов.

Список цитированных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: от 7 декабря 1998 г. № 218-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 135-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 года № 415-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Римское частное право: учебник / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перегтерского. – М.: КНОРУС, 2013. – 244 с.
4. Санфилиппо, Ч. Курс римского частного права: учебник / пер. с итал. И.И. Маханькова; под общ. ред. Д.В. Дождева. – М.: Норма, 2007. – 69 с.
5. Неруш, И.А. Влияние денежного обязательства на causa договора как критерий деления денежных обязательств / И.А. Неруш // Право и политика. – М.: Nota Bene, 2004. – № 8. – С. 122-126.
6. Полетаев, Н.А. Мнимые и притворные сделки, безденежность, Causa obligations и незаконное обогащение по проекту обязательственного права / Н.А. Полетаев // Вестник Права: Март. Журнал Юридического Общества при Императорском С.-Петербургском Университете. – С.-Пб.: Сенат, Тип., 1900. – № 3. – С. 1-60.
7. Дыдынский, Ф.М. Латинско-русский словарь к источникам римского права / Ф.М. Дыдынский. – Варшава: Типография К. Ковалевского, 1896. – 372 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.studmed.ru/dydynskiy-fm-latinsko-russkiy-slovar-k-istochnikam-rimskogo-prava_fdca255db58.html. – Дата доступа: 03.09.2018.
8. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства: учебник / К.П. Победоносцев. – М.: Статут, 2003. – 639 с.
9. Кашанин, А.В. Кауза сделки в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.В. Кашанин. – М., 2002. – 211 с.
10. Кривцов, А.С. Абстрактные и материальные обязательства в римском и современном гражданском праве / А.С. Кривцов. – М.: Статут, 2003. – 314 с.
11. Гражданское право: в 4 т.: учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – Том 1. Общая часть. – 720 с.
12. Томаев, И.О. Принцип разъединения (разделения) сделок в российском гражданском праве / И.О. Томаев // Matters of Russian and International Law. – 2016. – Vol. 6. – Is. 12 A.
13. Толкачев, А.Н. Коммерческий договор. От идеи до исполнения обязательства / А.Н. Толкачев. – М.: Litres, 2017. – 502 с.
14. Годэмэ, Е. Общая теория обязательств / Е. Годэмэ / Пер. И.Б. Новицкий. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 511 с.
15. Ефимова, Л.Г. Рамочные (организационные) договоры / Л.Г. Ефимова. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 104 с.

16. Oertmann, Die Geschäftsgrundlage, Ein neuer Rechtsbegriff, 1921: см. Агарков, М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М.М. Агаркова. – М., 1940. – 192 с.
17. Domat, Гражданские законы, L. 1, t. 1, отд. 1, ном. 5, 6: см. Кашанин, А.В. Кауза сделки в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 – Москва, 2002. – 211 с.
18. Ершов, И.И. Кауза (causa) как элемент договора и обязательства / И.И. Ершов. Актуальные вопросы права: сб. ст. по матер. XII Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2012. – С. 51-59.
19. Цвайгерт, К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. – в 2-х тт. / К. Цвайгерт, Х. Кётц. – М.: Междунар. отношения, 1998. – Том 2. – 512 с.
20. Корецкий, А. Различия между институтами сделки и договора по основанию (causa) и целям / А. Корецкий // Законность. – М., 2005. – № 12. – С. 36-38.
21. Ефимова, Л.Г. Договоры банковского вклада и банковского счета / Л.Г. Ефимова. – М.: Проспект, 2018. – 369 с.
22. Агарков, М.М. Гражданское право: учебник. / М.М. Агарков, С.Н. Братусь и др.: под ред.: М.М. Агарков, Д.М. Генкин – М, 1944. – Т.1. – 419 с.
23. Васильев, Е.А. Гражданское и торговое право зарубежных государств: в 2 т. / Е.А. Васильев, А.С. Комаров [и др.]. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2008. – Т.1. – 560 с., С. 563.
24. Hesselink, M. W. C.J.P. de Vries Principles of European Contract Law / M. W. Hesselink // Kluwer Law International. The Hague/London/Boston, 1999.
25. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 25 октября 2000 г. № 441-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 133-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
26. Казанцев, М.Ф. Проблема вещных договоров в контексте предмета гражданско-правового договорного регулирования / М.Ф. Казанцев // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2009. – Вып. 9. – С. 379-393.
27. Карапетов, А.Г. Приостановление исполнения обязательства как способ защиты прав кредитора / А.Г. Карапетов. – М.: Статут, 2011. – 239 с.
28. Кулаков, В.В. Проблема определения сложных обязательств / В.В. Кулаков // Российский судья. – 2009. – № 8. – С. 24-29.
29. Бекленищева, И.В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции / И.В. Бекленищева. – М.: Статут, 2006. – 204 с.
30. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2008. – 993 с.
31. Римское частное право: учебник / Под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. – М.: Юристъ, 1996. – 544 с.
32. Кулаков, В.В. Сложные обязательства в гражданском праве: дис. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2012. – 382 с.
33. Ефимова, Л.Г. Договор о выдаче и использовании банковской карты и договор эквайринга в системе договоров об организации безналичных расчетов / Л.Г. Ефимова. – М: Проспект, 2017. – 205 с.

34. Хвостов, В.М. Система римского права / В.М. Хвостов. – М.: Спарк, 1996. – 241 с.

35. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч.1 [Электронный ресурс]: от 30.11.1994 N 51-ФЗ: в ред. от 03.08.2018 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

36. О защите прав потребителей: Закон Республики Беларусь [Электронный ресурс]: от 9 января 2002 г. № 90-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 29 октября 2015 г. № 313-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

37. Ломидзе, О.Г. Формирование основания договорного отчуждения и значение Causa как цели праводателя / О.Г. Ломидзе, Э.Ю. Ломидзе // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – М.: ЮРИТ-Вестник, 2004, № 11. – С. 141-159.

38. Гримм, Д.Д. Лекции по догме римского права / Д.Д. Гримм. – Москва, издательство «Зерцало», 2003 г. (воспроизводится по 5-му изданию С.-Петербург, 1916 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/429002/>. – Дата доступа: 18.09.2018.

39. Хейфец, Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. – 2-е изд., доп. / Ф.С. Хейфец. – М.: Юрайт, 2000. – 162 с.

40. Гражданское право: учеб.: в 3 т. – 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – Т.1. – 776 с.

41. Коммерческое право: актуальные проблемы и перспективы развития: сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Б.И. Пугинского / сост. Е.А. Абросимова, С.Ю. Филиппова. – М.: Статут, 2011. – 286 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/745284/>. – Дата доступа: 03.09.2018.

42. Рясенцев, В. А. Сделки по советскому гражданскому праву / В.А. Рясенцев. – М., 1951. – 512 с.

43. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 декабря 2008 года по Делу № А32-4125/2008-11/44 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

44. Исаков, В.Б. Юридические факты в советском праве / В.Б. Исаков. – М.: Юридическая литература, 1984. – 144 с.; Гутников, О.В. Недействительные сделки в гражданском праве / О.В. Гутников. – М.: Бератор-Пресс, 2003. – 576 с.

45. Шахматов, В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия / В.П. Шахматов. – Томск, 1967. – 311 с.

46. Тузов, Д.О. Общие учения теории недействительных сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике: дис. . д.ю.н. – Томск, 2006. – 365 с.

47. Тузов, Д.О. Общие учения теории недействительных сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике: дис. . д.ю.н. – Томск, 2006. – 365 с.

48. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://pravo.by/ImgPravo/pdf/GK_RSFSR_1922.pdf. – Дата доступа: 03.07.2018.
49. Кротов, М.В. Гражданское право: учебник / М.В. Кротов; под ред. Ю.К. Толстого. – М., 2013. – Т.1. – 118 с.
50. Братусь, С.Н. Субъекты гражданского права / С.Н. Братусь. – М.: Юрид. лит-ра, 1984 – 287 с.
51. Рабинович, Н.В. Недействительность сделок и ее последствия / Н.В. Рабинович. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1960. – 171 с.
52. Шахматов, В.П. Основные проблемы теории сделок по советскому гражданскому праву: автореф. канд. дис. 1951. – 16 с.
53. Иоффе, О.С. Советское гражданское право: Курс лекций / О.С. Иоффе. – М., 1958. – 222 с.
54. Ипатова, О.В. Хозяйственное право: курс лекций / О.В. Ипатова. – Брест: издательство БрГТУ, 2016. – 77 с.
55. Новицкий, И.Б. Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. – М.: Гос. изд-во юр. лит., 1950. – 224 с.
56. Васильев, Е.А. Гражданское и торговое право зарубежных государств: в 2 т. / Е.А. Васильев, А.С. Комаров и др.: 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2008. – Т.1. – 560 с.
57. О валютном регулировании и валютном контроле [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь 22 июля 2003 г. № 226-З: в ред. от 5 января 2016 г. № 355-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
58. Постановление Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 17.12.2001 N 28 «Об обзоре судебной практики по делам о признании сделок недействительными и установлении факта ничтожности сделок и применении последствий их недействительности» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
59. Зарубин, А.В. Недействительность сделок с пороками воли: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 – Краснодар, 2003. – 182 с.
60. Анализ практики рассмотрения дел о признании сделок недействительными по основаниям статей 109, 110 Закона Республики Беларусь от «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» в ред. Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.court.gov.by/ru/ekonomicheskij/sud/goroda/minska/sudebnaya/praktika/1b39ad7bf9e74a91.html>. – Дата доступа: 04.07.2018.
61. Каменков, В.С. Преднамеренное и ложное банкротство [Электронный ресурс] / В.С. Каменков. – Режим доступа: https://law.bsu.by/pub/48/Kamenkov_4.doc. – Дата доступа: 23.08.2018.
62. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: от 21 апреля 2003 г. № 194-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 131-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

63. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: от 9 июля 1999 г. № 275-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 131-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

64. Суханов, Е.А. О видах сделок в германском и в российском гражданском праве / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2006. – № 2. – С. 5-26.

65. Томаев, И.О. Принцип разъединения (разделения) сделок в российском гражданском праве / И.О. Томаев [Электронный ресурс] // Вопросы российского и международного права. – 2016. – Том 6. – № 12А. – С. 157-166. – Режим доступа: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-law-2016-12/14-tomaev.pdf>. – Дата доступа: 20.09.2018

66. Habermeier, S. Das Trennungsdanken / S. Habermeier // Archiv fur die civilistische Praxis. – Band 195. – 1995. – S. 283.

67. Щербаков, Н.Б. Тезисы к круглому столу по распорядительным сделкам / Н.Б. Щербаков // Распорядительная сделка и её абстрактность: аргументы за и против: матер. научн. круглого стола // Юрид. института «М-Логос», Москва, 09 октября 2013 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://m-logos.ru/publications/nauchnyi_kruglyi_stol_uridicheskogo_instituta_m-logos_po_teme_rasporyaditelnaya_sdelka_i_e_abstraktnost__argumenty_za_i_protiv/ – Дата доступа: 02.06.2018.

68. Егоров, А.В. Октябрьские тезисы / А.В. Егоров // Распорядительная сделка и её абстрактность: аргументы за и против: матер. научн. круглого стола // Юрид. института «М-Логос», Москва, 09 октября 2013 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://m-logos.ru/publications/nauchnyi_kruglyi_stol_uridicheskogo_instituta_m-logos_po_teme_rasporyaditelnaya_sdelka_i_e_abstraktnost__argumenty_za_i_protiv/ – Дата доступа: 02.06.2018.

69. Василевская, Л.Ю. Вещные сделки по Германскому праву: методология гражданско-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2004. – 538 с.

70. Суханов, Е.А. О видах сделок в германском и в российском гражданском праве / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2006. – № 2. – С. 5-26.

71. Баранова, Е.А. Оборот недвижимости в российском и германском праве: сравнительное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 234 с.

72. Шапп, Я. Система германского гражданского права / Я. Шапп / пер. с нем. С.В. Королева. – М.: Международные отношения, 2006. – 360 с.

73. Новоселова, Л.А. Договор купли-продажи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / Л.А. Новоселова // Хозяйство и право. – 2011. – № 9. – С. 17-30.

74. Бевзенко, Р.С. Абстрактная передача права собственности. Каузальный переход права собственности / Р.С. Бевзенко // Распорядительная сделка и её абстрактность: аргументы за и против: матер. научн. круглого стола // Юрид. института «М-Логос», Москва, 09 октября 2013 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://m-logos.ru/publications/nauchnyi_kruglyi_stol_uridicheskogo_instituta_m-logos_po_teme_rasporyaditelnaya_sdelka_i_e_abstraktnost__argumenty_za_i_protiv/ – Дата доступа: 02.06.2018.

75. Карнаков, Я.В. О недостатках и противоречиях нового режима оборота долей в уставном капитале ООО / Я.В. Карнаков // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 6. – С. 22-23.

76. Скловский, К.И. О действительности продажи чужого имущества / К.И. Скловский // Вестник ВАС РФ. – 2003. – № 9. – С. 80-99.

77. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Издательство «Статут», 1995. – Т.1. – 461 с.

78. Бердников, В.В. Распорядительная сделка как способ изменения имущественно-правового положения лица / В.В. Бердников // Законодательство –2002. – № 2. – С. 17-18.

79. Бевзенко, Р.С. Квалификация и последствия сделок с будущей недвижимой вещью / Р.С. Бевзенко [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://centerbereg.ru/j797.html>. – Дата доступа: 12.06.2018.

80. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 30 октября 2007 г. № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=74034&fld=-134&dst=1000000001,0&rnd=0.189280484144132#>. – Дата доступа: 02.05.2018.

81. Церковников, М.А. Приобретение права собственности на движимые вещи посредством соглашения: французский и российский опыт / М.А. Церковников // Вестник гражданского права. – 2009. – № 3. – С. 102-141.

Учебное издание

Ипатова Ольга Валерьевна

Теоретические и практические аспекты правовой природы каузальных сделок

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Брестского государственного технического университета*

Ответственный за выпуск: Ипатова О.В.
Редактор: Боровикова Е.А.
Компьютерная вёрстка: Соколюк А.П.
Корректор: Никитчик Е.В.

Издательство БрГТУ.
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных
изданий № 1/235 от 24.03.2014 г., № 3/1569
от 16.10.2017 г. Подписано в печать 19.02.2019 г.
Гарнитура «Times New Roman». Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага «Performer». Уч. изд. л. 6,75. Усл. печ. л. 6,27.
Заказ № 169. Тираж экз. Отпечатано на ризографе
Учреждения образования "Брестский
государственный технический университет".
224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

ISBN 978-985-493-449-5

